

ВОЛШЬЯ ЯГОДА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Юлия Флёри

18+

Юлия Флёри

Волчья ягода

«Автор»

2023

Флёри Ю.

Волчья ягода / Ю. Флёри — «Автор», 2023

К чему приводит случайная встреча? Она может разрушить жизнь, а может оказаться в силах спасти её. Мира не терпела случайности и избегала любых встреч. Но, вероятно, вмешалась судьба?.. Всё изменилось в один момент, будто по щелчку пальцев, а ещё рядом с ней появился... человек. Сильный и решительный. Он вытащил Миру из жуткого переплёта, при этом здорово рискуя головой. Разве не это поступок настоящего мужчины? А что она? Совершенно не чувствуя себя обязанной, смелым росчерком уничтожила любое расположение! Наврала, предала, унизила, а, может, просто влюбилась... ведь она так молода и импульсивна... Словом, Мира повела себя как истинная женщина. Ну и, разумеется, очень скоро поплатилась за это. Книга содержит нецензурную брань.

© Флёри Ю., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Пролог	5
Глава 1	12
Глава 2	20
Глава 3	24
Глава 4	33
Глава 5	41
Глава 6. Два с половиной года спустя.	43
Глава 7	49
Глава 8	57
Глава 9	62
Глава 10	71
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Юлия Флёри

Волчья ягода

Пролог

Сделав крутой вираж, выпустив из-под колёс облако пыли и мелкий гравий, автомобиль припарковался у высокого крыльца. Дверца со стороны водителя распахнулась, выпуская из салона мрачного мужчину. Он буквально закипал от гнева и негодования, беззвучно рычал, кривя пухлые губы, и нервно размахивал руками, мечтая то ли придать тучному телу ускорения, то ли и вовсе взлететь.

Со ступеней ему навстречу скатились сразу двое молодчиков. Стандартные чёрные костюмы с нелепыми галстуками и специальные наушники безошибочно выдавали в них охрану клуба. Мужчина презрительно поморщился, но эта эмоция потерялась на фоне тлеющего бешенства, которое зародилось, как только ему поступил звонок. Внимания требовал владелец этого злчного места. Он смазано обрисовал ситуацию и назвал сумму ущерба. Просто астрономическую сумму!

Борис Львович Новак мог сколько угодно расплыться и грозиться, что пошлёт всё к чертям, но бросить единственного сына не решился. По крайней мере, не сегодня, не сейчас... Очевидно, что он уделял Ромке мало внимания – нужно было строить бизнес, нужно было взрастить себя как личность... Нужно кормить семью, в конце концов! И воспитание сына легло на хрупкие плечи супруги. Понятное дело, вместо воспитания она давала мальчику любовь, а вместо строгости исключительно поблажки. И вот результат! Его сын превратился в какого-то повесу! В мажора! В прожигателя жизни! Его сын... его Ромка опустился до подобного притона, до наркоты, до изнасилования! И сейчас очень хотелось верить, что всё это не более чем наговор.

Борис Львович нетерпеливо обтёр лицо ладонью, но сбросить тяжесть этого дня так и не удалось. Он буквально чувствовал, как мышцы сводит от жуткой гримасы, как морщины наливаются кровью, как они распирают, выдавая нечеловеческую усталость. Он выдохнул. Нарочито медленно.

Мрачный служебный коридор мало походил на роскошные залы загородного ночного клуба. Тусклое освещение и грязный пол ясно давали понять, что статусность заведения была лишь красочным фантиком. В реальности же упор здесь делали на обратную сторону разгульной жизни. Наверняка были в ходу скрытые камеры видеонаблюдения, со стопроцентной уверенностью Борис Львович мог утверждать, что руководство клуба не гнушалось банальным шантажом. Об этом свидетельствовал и поступивший ему звонок.

Разговор за закрытой дверью кабинета оказался не из лёгких. Скользкий собеседник с жадным крысиным взглядом оставил после себя какое-то мерзкое впечатление. Представленное видео доказательство не оставляло шансов отмахнуться или предъявить встречные претензии. По-хорошему стоило явиться сюда с адвокатом и начальником СБ, разворошить это осиное гнездо. Но уж как не хотелось огласки... Борис Львович мысленно взвыл, но был вынужден пойти на все условия.

– Где мой сын? – бросил он, уходя, и красноречиво поморщился, оказавшись не в силах сдержать явное отвращение.

– Вас проводят, – сахарно улыбнулся его собеседник и услужливо склонил голову.

«Тело» погрузили на заднее сидение авто. Ромка что-то пьяно бормотал и время от времени хватался за портки. Напряжение нарастало. А ведь ещё предстоял разговор. Разговор между отцом и сыном. Серьёзный и бескомпромиссный. Борис Львович должен был выдвинуть

нуть свои непримиримые условия, а Ромка должен был их принять. Но уже сейчас от горького предвкушения сводило скулы и судорожно прихватывало гортань.

Не с Ромкиным характером было идти на уступки. А ведь когда-то он был хорошим мальчиком. Отличником и медалистом. Был добрым, открытым, уравновешенным. Сын обожал семейные вечера, которые они устраивали по выходным, делился впечатлениями от последних событий и непременно просил совета в случаях, если его одолевало сомнение. Но когда же всё изменилось?.. Борис Львович затянулся едким сигаретным дымом и уставился ровно перед собой невидящим взглядом. Сзади раздался нетерпеливый клаксонный сигнал, и несформировавшуюся мысль пришлось оборвать.

Новак не поехал в городскую квартиру: боялся разнести там всё к чёртовой матери. Да и соседи... Ведь снова всё упиралось в огласку! Да, он был не последним человеком в городе. Он имел статус, уважение, но также имел и обязательства перед обществом, будь оно неладно! Всё правильно. Загородный особняк окажется как нельзя кстати.

Он устал. Он просто устал от этих сумасшедших выходов сына. Он устал от его безалаберности, от наплевательского отношения к жизни. Но самое страшное заключалось в том, что Новак просто не знал, как Ромку усмирить, как вернуть в выверенный годами ритм. Вспомнить только, каких сил сыну стоило поступить в лучший ВУЗ. Поразительная целеустремлённость, его настойчивость и, порой, даже упрямство вызывали исключительно отцовскую гордость. А сейчас Борису Львовичу за сына всё чаще становится стыдно. Да, стыдно. А иногда и вовсе хочется провалиться сквозь землю! Но не сегодня. Сегодня Ромка умудрился переступить какую-то невидимую черту, переполнить чашу отцовского терпения. И сейчас Новак с удовольствием бы выписал ему звонкую пощёчину. А ещё лучше, начистил бы наглую, хамоватую физиономию и выгнал вон. Из дома, из бизнеса, из своей собственной жизни. Потому что Ромка сломался. Что стало причиной – уже не имело принципиального значения. Выдохся, не вынес груза ответственности, поддался влечению или дурному влиянию со стороны...

Уже почти год их общение всё больше напоминало бесконечную перепалку. Ни одно отцовское замечание не обходилось без пререканий, а всякий толковый совет или нравоучение заканчивались банальной грызнёй! У Ромки вошло в привычку пренебрежительно кривить губы, хлопать дверью, а в последнее время он всё чаще предпочитал после каждой ссоры пропадать на два-три дня.

Да, весь этот год Новак был с сыном строг. Да, он требовал от того выкладываться на максимум. Он не давал Ромке послаблений и за малейший промах не гнушался наградить его горячим словом! Но это были эмоции. Это был гром пустых надежд и неоправданного доверия. Сын же отвечал Борису Львовичу холодным презрением и демонстративным безразличием. Последним поводом для ссоры и вовсе стало его участие! Новак устроил Ромку на практику в крупнейший строительный холдинг, а тот фыркнул и отправился в какую-то заштатную конторку. Вот тебе и вся благодарность!

Они не понимали друг друга. Казалось, что не понимали... Но всё чаще закрадывалось подозрение, что Ромка большинство своих гнусных поступков совершает просто назло! Чего только стоит эта его серьга в ухе! И ведь мальчишке уже не пятнадцать, ни о каком самовыражении и речи не идёт! Просто каприз! Демонстративное противостояние! Или наколка на шее чуть ниже правого уха... Какие-то рунические символы... Да если так рассудить, пусть бы хоть всё тело забил своими картинками! Ромка же предпочёл единственную, но зато в месте, которое не скроет ни одна сорочка, ни один галстук. И в этом был весь он. Всё напоказ, всё вопреки. Только бы выделиться и забрызгать всё вокруг собственным ядом.

Но сегодня Ромка превзошёл себя. Он избил и... принудил к интиму одну из танцовщиц клуба... Борис Львович с сомнением поморщился, но практически сразу уверенно кивнул собственным мыслям: «Да, назовём это так!» – заключил он, вот только неприятная оскомина всё не отпускала. Управляющий, что отпирал приват-комнату, в которой отсыпался Ромка,

непрозрачно намекнул, что подобные выходки случались и прежде, правда, не имели столь катастрофических последствий. Да и Ромка никогда не был стеснён в средствах и вполне мог рассчитаться сам. Только не в этот раз. Новак заблокировал карту сына, отобрал ключи от машины – подарка на двадцатилетие. Его не было трое суток. И вот результат! А к результату ещё и правда, которую Борис Львович предпочитал не знать. Предпочитал... но ведь не заметить просто не мог!

Жёсткий оскал, резкие высказывания, огонёк злого азарта в глазах – всё это казалось лишь вспышкой. Теперь Новак знал наверняка, что эти вспышки случались всё чаще, длились всё дольше. К слову, «жертву» сыновнего разгула он тоже зацепил взглядом. Правда, та торопливо отвела глаза и поспешила удалиться. Но от Бориса Львовича не укрылись свежие ссадины на лице и тёмные следы на запястьях. Он всё это увидел, и растаяли последние сомнения: от его Ромки давно ничего не осталось.

Остановившись на территории своего загородного дома, Новак решительно вышел из машины. Он распахнул заднюю дверь авто и с неприятным равнодушием уставился на Ромку – тот мирно спал. Собравшись с силами, Борис Львович прихватил сына за полы пиджака и рывком вытащил того прямо на садовую клумбу. На глаза попался поливочный шланг, и воспользоваться им показалось неплохой идеей.

От струи ледяной воды Ромка сначала просто лениво заворочался, но совсем скоро вместо ворчливого бормотания послышался отборный мат, а вместо того, чтобы попытаться избежать контакта, он открыл глаза, подскочил на ноги и грозно взревел:

– Рехнулся?!

Смахнув с лица крупные холодные капли, Ромка потрянул головой, пошатнулся и уставился на отца недовольным взглядом. Получив в ответ молчаливый упрёк, он вскинул подбородок и стиснул челюсти.

– Ты в своём уме?... – уже не так уверенно продолжил он и не удержался от соблазна: уселся на смятую траву и взъерошил ладонью влажные волосы.

Вскинув глаза на отца, Рома сглотнул и напряжённо выдохнул. Тот сверкнул удовлетворённым взглядом: видеть на лице сына осознание было приятной неожиданностью.

– Ты помнишь, где провёл эту ночь? – строго начал Новак, на что Рома прищурился, поиграл желваками на скулах. Отводить взгляд было не в его характере, и выплеснутое отцом презрение Рома принял сполна.

– Я был в клубе, – погоняя язык по щекам, наконец, созрел он для ответа.

– Может, ещё и в курсе, какую дрянь принял? Или это обычно случается после того, как ты набираешься в хлам?

– О чём ты? Я ничего не принимал!

Рома мгновенно взвился. Сидеть и чувствовать на себе предвзятый взгляд отца, направленный сверху вниз, показалось унижительным и, наплевав на жуткую головную боль, он неловко встал на ноги.

– Ты меня разочаровал, – холодно отчеканил Новак отвратительным наставническим тоном. Рома непроизвольно поморщился. – Я рассчитывал, что ты станешь для меня поддержкой, надёжным партнёром, достойным продолжением. Я рассчитывал на твою сознательность. И только сейчас вижу, как сильно ошибался.

– Да ты что?... Серьёзно?! – Рома наигранно поцокал языком.

– Ты инфантильный мальчишка. Ответственности в тебе ноль! Ты думаешь только о секундном удовольствии, о собственной выгоде.

– Как интересно... И давно это со мной?..

– Я устал терпеть твои выходки, устал закрывать глаза на очевидные косяки. Ты ничего из себя не представляешь. Выпивка, друзья и разгульная жизнь – вот всё, что тебя волнует сегодня.

Рома раскинул руки и озадаченно кивнул.

– И это не удивительно, ведь мне двадцать лет!

– Даже сейчас ты пытаешься превратить происходящее в цирк, хотя благодарные зрители давно разбежались.

– А ты что же, решил поиграть в заботливого родителя?

– Я считаю, что тебе пора приобщаться к самостоятельности. Пора научиться нести ответственность за свои поступки.

Рома рассмеялся на выдохе.

– Ну, выпил я лишнего и что теперь? Расстрелять меня, да?

– Я не намерен краснеть за тебя. И не хочу, чтобы моё имя полоскали в каждой газетёнке!

– Бать, сбавь обороты – башка трещит, – отмахнулся Рома, безошибочно распознав заунывный тон будущих нотаций.

Он запрокинул голову и закрыл глаза, пытаясь унять пульсацию в висках хоть на мгновение. И совершенно не ожидал получить от отца оглушительную затрещину. В глазах на долю секунды потемнело, а шее, уху и часть лица обожгло болью.

– Да ты хоть понимаешь, щенок, с кем разговариваешь? – тут же раздалось предостерегающее шипение. – Понимаешь, что вообще творишь?! Ничтожество, недоумок, ублюдок! – взорвался Новак криком, а Рома расправил плечи и взглянул на отца с предупреждением:

– Никогда больше так не делай, – тихо, но внушительно проговорил он.

Борис Львович, не ожидавший отпора, попятился, но тут же зло рассмеялся.

– Угрожать мне вздумал, щенок?! Да я тебя в порошок сотру! Думаешь, ты что-то из себя представляешь?! Да без моих денег и связей ты ноль! Ноль! Пустое место! Ты никто, Ромка! Никто!

– Да понял я, хватит, не распыляйся, – хмыкнул Рома, глядя на происходящее будто со стороны.

Сколько раз он всё это слышал? И не счесть. В какой-то момент даже готов был согласиться со всем сказанным, с упрёками и обвинениями, а потом забил. На отца и на себя. Так казалось проще.

– Ты кем себя возомнил? Вершителем судеб? Рома, то, что произошло сегодня ночью – это срок! Реальный срок! И ты бы в него вписался, если бы не я! Это ты понимаешь или нет?!

Мученически скривившись, Рома устало прорычал. От вчерашнего поила раскалывалась голова, а отец не на шутку впрягся в воспитание.

– Ты о чём вообще? – лениво приоткрыв один глаз, фыркнул Ромка. Отец взвыл раненым зверем.

– О чём?! Я об изнасиловании! Я об избиении сотрудницы клуба! Ты хоть представляешь, сколько бабла я отвалил, чтобы тебя отмазать?!

Ромка кисло улыбнулся и безразлично фыркнул.

– Ну, молодец! Вот только ты что-то путаешь. Я никого не избивал и, упаси бог, не насиловал.

– Да?! Тебе, может, предъявить видос, который мне пришлось выкупать? Или, думаешь, я не видел ту девчонку?!

– Ты про Алинку, что ли?

Рома выразительно закатил глаза и, пожевав губами, спрятал руки в карманах потёртых джинсов.

– А ты не предположил... ну так, на минуточку... Не вошла в твою голову мысль, что ей так нравится? Тупо нравится! Или, как вариант, что за подобные услуги она имеет неплохую надбавку к жалкой зарплате официантки? Нет? Об этом не подумал? Так вот зря! Потому что за этот жалкий потасканный вид она уже успела отгрохать себе квартиру в центре! А благодаря тебе и... – на этом Рома прищурился... – В какую сумму, говоришь, ты оценил мою свободу?..

Хотя лучше не называй её, судя по багровой физиономии, отвалил ты достаточно. И благодаря тебе малышка в придачу к квартире получит ещё и новенький авто.

– Это ты мне сейчас предъявил вместо благодарности? – охнул Борис Львович, а Рома безразлично пнул случайный камешек на вылизанной до блеска садовой дорожке.

– Бать, ты бы остыл... Задолбал уже выть, как пожарная сирена.

– Пошёл вон... – выдохнул Новак, не в силах выдержать безразличие сына. – Пошёл вон, убирайся! – взревел он, переводя дыхание, но не стерпел и бросился в драку, желая наказать нерадивого отпрыска, желая размазать эту паршивую ухмылку по его лицу.

Рома, выигрывая в росте, в силе, в физической подготовке, с лёгкостью ушёл и от первого удара, и от второго. Он, не напрягаясь, отмахнулся от унижительной оплеухи, ушёл от смазанного тычка в грудь. Оттолкнуть отца просто пришлось. Борис Львович от неожиданности оступился и неловко завалился на всё ещё зелёную лужайку.

– Хватит! – прикрикнул Рома, не собираясь извиняться за применённую силу.

Он лениво посмотрел по сторонам, не желая возвращаться взглядом к родителю. А отец, меж тем, ошарашенно моргал, хватал ртом воздух и пытался осмыслить происходящее.

– Удавлю! – прорычал он, сиюсь подняться.

Рома лишь брезгливо поморщился и нервно цыкнул зубом.

– Удавлю! – закричал отец, бросившись на него всей массой.

Рома, ловко увернувшись от очередной нападки, терпеливо выдохнул и примирительно выставил перед собой ладони.

– Бать, но ты ведь понимаешь, что я не мог этого сделать? – совершенно серьёзно выдал он, на что отец вызывающе рассмеялся:

– Я привык доверять своим глазам, сынок! И я прекрасно вижу, во что ты превратился! Я не верю тебе, – добавил он, понимая, что сын ждёт именно такого точного и чёткого ответа.

Рома бросил на отца тяжёлый взгляд исподлобья и стиснул зубы. В который раз тот окунул его в бездну своего разочарования. В который раз унизил недоверием, презрением, в который раз бросил вызов. Рома растёр ладонью грудь, которую болезненно стянуло горькой обидой, однобоко ухмыльнулся.

– Бать... – выдавил он из себя вместо встречного упрёка. – А ты маму вспоминаешь?

В ответ на непонимающий взгляд отца, Рома жадно перехватил воздух ртом и продолжил:

– Мне она снится. Почти каждую ночь. Красивая... как живая... И мы снова за столом. Все вместе. Куда всё ушло, а?..

Отец вращал бешеными глазами и зло пыхтел.

– И прекрати... – вскрикнул он и подавился глотком вдруг ставшего спёртым воздуха. – Прекрати всякий раз прикрываться памятью о матери!

Глаза Ромы сверкнули ненавистью и притаившейся за ней болью.

– Ну, конечно! – вызывающе рассмеялся он. – Зачем тебе вспоминать мать, если есть эта, как там её... – Рома пощёлкал пальцами, – Мадлен! – зло и колко выкрикнул он, припоминая отцовскую пассиву. – Хотя какая из неё Мадлен?.. – задался парень бестолковым вопросом. – Наверняка по паспорту какая-нибудь Машка или Маринка, – Рома в отчаянии махнул рукой.

– Да ты рехнулся?! – будто нехотя рассмеялся отец. – Ты мне ещё будешь указывать?! Ублюдок! Ничтожество! – переполненный возмущением, выкрикивал он. – Да если бы не мать... давно бы топтал плац где-нибудь за полярным кругом! Нет же, послушал её: Ромочке надо учиться, Ромочка у нас талант! Да твоё счастье, что она всего этого не видит! Сгорела бы со стыда! Вместо мужика вырастила тряпку! Балбеса, повесу! Ты только посмотри, в кого превратился!..

– Слышал уже, – невежливо хмыкнул Ромка, сбивая отца с очередной оскорбительной реплики. – Если это всё, что хотел сказать, то я, с твоего позволения, пойду спать.

– Куда ты пойдёшь? Куда? Спать? – отец, вероятно, почувствовал себя злым властелином, так сейчас рассмеялся. – А ты, скажи на милость, заслужил это самое «спать»? Эту кровать... личную комнату... роскошный особняк..? Да ты даже на эти шмотки, которые натянул на себя, не в состоянии заработать! Ничтожество! Ты не уважаешь себя – мне это уже неинтересно. Но меня ты уважать будешь, а иначе...

– Давай ты договоришь в следующий раз, ОК? Дико болит голова, – отмахнулся Рома и направился в сторону дома.

Борис Львович опешил. Он оказался просто не готов воспринимать реальность в таком свете! Он оказался не в силах принять ту истину, в которой сын его ни в грош не ставит. А Ромка раздолбайской походкой всё удалялся. Его не заботили ни переживания отца, ни его мотивы. А ведь до пункта «Неоспоримые условия» они даже не дошли. Да что там... они к нему даже не приблизились. Сыну было плевать на все условия. Ему было плевать на собственное будущее. Да и на настоящее, пожалуй, тоже. Стоило принимать кардинальные меры. Нужно было срочно брать ситуацию под свой контроль и Новак, наконец, решился. Он догнал сына, дёрнул того за руку на себя и выдал фразу, которая, казалось, давно лежала на поверхности и почему-то виделась единственно верной, единственно правильной:

– Убирайся из моего дома, – зашипел, заколотился в напряжении отец.

Рома отчего-то воспринял подобное заявление как очередное проявление эмоций. Он лениво взмахнул рукой и как всегда безразлично усмехнулся.

– Убирайся из моего дома! – прозвучало из уст отца непривычно твёрдо, категорично, упрямо.

Рома вдруг остановился и присмотрелся к родителю внимательнее.

– Ты меня выгоняешь? – наконец, осознал он смысл происходящего и удивлённо моргнул. Отец с довольным видом потёр влажные ладони.

– Ты считаешь, будто что-то из себя представляешь? Отлично! Вот и посмотрим, что именно! – победно провозгласил тот и вскинул сальный подбородок.

Рома взглянул на отца со смесью жалости и презрения.

– Тебе надо, ты и уходи, – фыркнул он.

Борис Львович беспомощно оглянулся по сторонам,

– Ты... ты что себе позволяешь?! Ты как посмел, щенок, сопляк, ты...

– Мать оставила дом мне, – уверенно, твёрдо и не в меру упрямо заявил Рома, заставляя отца жалко захрипеть. – Дом, счёт в банке, и долю в твоей конторе. Кстати, мне стоит задуматься над тем, почему ты об этом умолчал? – уличил он отца, а тот, едва опомнившись, покраснелся, напыжился.

– Да ты вконец обнаглел! Ты что о себе возомнил?!

– Завтра мне исполняется двадцать один, и с этого дня я вступаю в права наследования. Надеюсь, ты не всё успел прос*ать со своей подружкой? – оскалился Ромка и враз показался отцу чужим и незнакомым.

– Ты что несёшь?..

Мужчина отступился, а Рома победно шагнул на него.

– А, знаешь, я тут подумал... Кажется, я уже достаточно взрослый, чтобы жить один. Так что собирай свои вещи и... да... выметайся! – Рома гневно сверкнул глазами. – Выметайся из моего!.. дома.

– Ты это мне говоришь? Своему отцу? – ошарашенно пробормотал Борис Львович, как вдруг стиснул зубы и уличающе прищурился. – Ты мне больше не сын! – вспльчиво выдал отец, а Рома безвольно передёрнул плечами.

– Как скажешь.

Новак схватился за сердце. Рома вскинул брови.

– Что?.. Помочь с вещами? – догадался он и премеерзко облизнулся.

Лишь на подходе к дому, на последней ступени высокого крыльца Рома услышал странное бормотание.

– Да, да... наверно, ты прав. Однажды всё должно было закончиться именно так... – будто вслух рассуждал отец.

Рома обернулся и заметил, как тот, по-старчески опустившись на плитку крыльца, бессмысленно смотрит в пространство. Рома спустился на несколько ступеней и издали обратился к отцу.

– Ты сейчас о чём? Ты это мне говоришь?

– От осинки не родятся апельсинки. Так ещё моя бабка говорила, хотя кто знает, где она видала эти апельсинки... Слышишь, Ром?.. Откуда она знала про эти самые апельсинки? Ведь жила в такой глухой деревне, что не приведи господь! – раскованно рассмеялся отец и даже утёр слёзы. – Вот и ты... Весь в своего ублюдочного папашу! – с омерзением процедил Борис Львович и вскинул на сына совершенно осознанный, но до неприятного колючий взгляд.

Рома нахмурился и склонил голову набок. Едва ли из интереса, скорее, в недоумении.

– Что ты там ещё придумал? – всё же вовлёкся он в произнесённый бред, а отец уставился на Ромку с прелеющей улыбкой.

– А что слышал! – развёл он руками и шутовски поклонился. – Знать не знаю, от кого понесла твоя мать.

– Врёшь! – сверкнули яростью глаза Ромки. Не за себя было обидно – за маму.

Рома как раз намеревался приблизиться к отцу и хорошенечко того встряхнуть, как Борис Львович и сам поднялся со ступеней, принял невозмутимый вид и с полным осознанием ситуации кивнул:

– Вру! И с твоим нерадивым папашей я всё же знаком. Тут же можно смело добавить, что это знакомство не принесло мне ни удовольствия, ни пользы. Вы, кстати, чем-то с ним похожи. И я сейчас говорю не столько о внешности, сколько о мерзком въедливом характере и о язвительном нраве. И, знаешь, что, сынок... – на этом отец победно вскинул подбородок. – Завтра ты вступишь в права наследования. Ты получишь свои деньги, этот дом и даже акции моей компании. Но когда спустишь всё на глупые закидоны, на амбиции и продажных тёлочек, ко мне за помощью не обращай, не-е-ет. С сегодняшнего дня сына у меня нет!

– Быть, ты в своём уме? – примирительно пробурчал Ромка, но по взгляду отца понял, что шутки кончились.

– Всё, всё... – закачал тот головой, отрицая не только родство, но и, казалось, все совместные воспоминания. – А с этой мразью, с твоим папашей, я тебя как-нибудь обязательно познакомлю. Уверен: вам будет, о чём поговорить. Брызнуть, так сказать, друг на друга ядом.

На этом отец рассмеялся и, весело размахивая руками, поплёлся к своему авто. А Ромка завис с открытым ртом и со стремительно нарастающим чувством потери. Пока ещё в груди теплилось отрицание. Но это отрицание готово было вот-вот развеяться в прах.

Глава 1

– Никого не бойся, бить нужно смело, – смелась она.

Нож подлетал и как заговорённый падал в тонкую женскую ладошку.

– Но я не хочу бить!

– Тогда будь готова к тому, что ударят тебя, – беззаботно смеялась она и вкладывала лезвие в детскую ручку. – Ну давай же, у тебя получится, – раздавался над головой ласковый призыв и мягкие ладони, точно нежнейшее покрывало, опускались на волосы и разглаживали их.

Парень затолкнул Миру в дряхлый, будто рассыпающийся на ходу автобус, и зачем-то хлопнул рукой по его пыльному боку. Она видела, как на грязно-сером налёте остался отпечаток широкой ладони. На него, собственно, и смотрела, с любопытством выглядывая из-за скрипучей, покосившейся двери. Милая тётяшка взяла её за ладошку и отвела от двери подальше. Мира озадаченно посмотрела на женщину в тёмном платке и растерянно моргнула: отчего-то в этом автобусе она оказалась одна. А где же её мама?.. Она собиралась было рвануть из автобуса обратно, однако тот с жутким лязгом захлопнул дверцу, да и тётяшка держала очень крепко. Держала и улыбалась, но Мира не хотела улыбаться ей в ответ. Вместо этого она бросилась в хвост автобуса и, чувствуя какую-то нелепую растерянность и всё нарастающую обиду, внимательно смотрела за тем, как позади остаётся заброшенный остановочный пункт, облачко пыли на сухой, пустынной дороге и тёмный, практически чёрный дым из выхлопной трубы. Клубы этого дыма заполнили пространство, препятствуя обзору, и Мира встала на цыпочки, желая рассмотреть хоть что-нибудь. Именно в этот момент и увидела её. Женщину, лицо которой отчего-то было не разглядеть, но Мира знала, чувствовала, что это она... мама. Тоненькая, невысокая, удивительно хрупкая, она бежала за автобусом со всех ног и что-то кричала ему вслед.

Автобус набирал скорость, а мама всё бежала и бежала. Мира испуганно вскрикнула и вздумала заплакать, но не стала – в голове отчётливым шёпотом слышался голос: «Не плачь, Мира, не плачь. Тише». Ей нельзя было плакать. Мира не помнила, почему, но в панике закрыла рот обеими ладошками, ведь кричать тоже было нельзя. Слёзы потекли против воли. Они были горячими и делали картинку перед глазами нечёткой, размытой. Стиснув зубы, Мира упёрлась в грязное стекло автобуса ладошками и прильнула к нему, пытаясь разглядеть больше. Только сейчас она заметила, что мама хромает на одну ногу и держится за бок. А на боку расплывалось некрасивое пятно. Почему-то Мире оно показалось именно некрасивым. А вот некогда светлую кофточку на маме она помнила. Это была праздничная блузка. Белоснежная, с шёлковой вышивкой на воротничке. У Миры была такая же, только меньше размером. Она должна была надеть её на свой четвёртый день рождения. На такой блузке не может быть пятен! Пятна для девочки – это непозволительно!

Мира гипнотизировала взглядом пятно, как вдруг всё же не сдержалась и вскрикнула: следом за мамой бежал тот самый парень, что втолкнул её в автобус. Ну, конечно! Они должны были ехать все вместе! Мира застучала ладошками по стеклу, а женщина в чёрном платке перехватила её за руку, сказала что-то на непонятном языке и попыталась отвести в сторону. Попыталась... А Мира изловчилась и впилась в её ладонь зубами. Никто не смеет разлучать её с мамой, никто! Женщина схватилась за раненую руку, бросила в сторону девочки незнакомое ругательство, чуть отошла, но продолжала держаться рядом.

Вот только автобус не останавливался. Он неловко «ковылял» по ухабистой дороге и чинно раскачивался, скрипя всевозможными деталями. Мама сзади бежала очень быстро. Она

что-то кричала. Наверно, напоминала о том, что плакать нельзя и Мира держалась. Она держалась изо всех сил, хотя становилось всё страшнее, всё беспокойнее. А потом парень, который толкнул Миру в автобус, поравнялся с мамой. Он схватил её за плечо, дёрнул на себя и вдруг ударил. Ударил прямо в лицо и навалился всем весом, сталкивая с дороги в каменистый кювет. Сцепившись, точно в схватке, они покатались туда вместе. Мира вскрикнула снова и теперь заревела в голос. Она испугалась. Она бросилась к двери, требуя, чтобы её выпустили. Немедленно. Сейчас. Ненавистная женщина схватила её, обездвиживая, и прижала к себе всем крохотным тельцем. Мира кричала, изворачивалась, брыкалась, но всё казалось бесполезным. И тогда она затаилась. Женщина что-то приговаривала. Тихо, жалобно, будто молитву. Мира отдышалась, незнакомка в успокаивающем жесте погладила её по голове. И вот тогда Мира рванула. Быстро, резко, изо всех сил. Рванула и снова прильнула к мутному стеклу автобуса. Она видела, как мама выбралась из кювета, как она побежала. Снова. Но была уже очень далеко. Она не успеет. Слезы из солёных стали горькими и невозможно горячими. Так, что жгло щёки. А следом за мамой из кювета вылез и парень. В этот раз её, обессиленную, он нагнал куда быстрее. И снова ударил. Мама больше не встала.

Мира проснулась от собственного крика. Она дёрнулась всем телом, подскакивая, она сжала кулаки до судороги в пальцах. А ещё она, действительно, плакала. Слезы раздражали глаза, и от них захотелось избавиться. С какой-то отчаянной злостью Мира принялась тереть глаза руками, пока не раздалось обеспокоенное:

– Мирка, что?! – вскрикнул вошедший Ванька и подбежал к ней. – Опять этот твой сон? – он участливо склонил голову и прижался щекой к её коленям. – Почему ты никогда не рассказываешь, что тебе снится?

– Потому что я не помню, – соврала Мира.

Она всегда врала, не желая делиться чем-то... чем-то, безусловно, важным, но совершенно непонятным. Не сказала правды и сейчас. Погладила Ваньку по лохматой голове и старательно выдохнула: «Это был просто сон». Ваня никогда не спорил. Нет и нет. В конце концов, здесь, в этом месте, у каждого были свои секреты.

– Зырь, что поднял! – забывая о недавних слезах и позволяя забыться самой Мире, сверкнул Ванька азартным взглядом и достал из кармана потёртой джинсовки золотые часы.

Он ловко перебрасывал их из одной ладони в другую и опасно прижал к груди, поймав на себе взгляд Миры.

– Ты где это взял?! – зло зашипела она, осматриваясь по сторонам, но в подвале, кроме них, никого не было.

– Где взял, там больше нету! – обиженно засопел Ванька и не позволил Мире рассмотреть занимательную вещь ближе, зажал дорогой браслет часов в кулак и, только дразня, помахал перед её лицом циферблатом.

Впрочем, и этого хватило, чтобы осознать, что вещь не из простых. Известный швейцарский бренд, броский логотип. Мира беспомощно простонала и пригладила ладонями волосы.

– Выброси, немедленно! – процедила она в приказном тоне, но Ванька оттого только больше надулся, сверкнул волчьим взглядом и упрямо поджал губы.

– Вот ещё! Скоро зима. Ты это не хуже меня знаешь. А у тебя, вон... из обуви, только дырявые кеды.

Мира тут же подобрала ноги, стыдливо пряча от проницательного взгляда потрёпанную обувь.

– Лысый за такой браслетик раскошелится, вот увидишь, – мечтательно потянул он, делая внушение взглядом. – Честно, конечно, не рассчитает, но ещё поторгует, ты меня знаешь.

Ванька задорно подмигнул, а Мира в каком-то нехорошем предчувствии прикрыла глаза.

– Ты где их взял, я тебя спрашиваю? – настойчиво цедила она, и Ванька вздохнул, мученически скривился.

– Ну, шёл там один... – мальчишка раздосадовано сплюнул. – Да в хлам просто! – принялся оправдываться он. – А рядом никого! Я подошёл, попросил прикурить. Этот... уставился на меня, а два слова связать не может. Принялся хлопать себя по карманам, тут-то я часики и присмотрел.

Мира в отчаянии простонала.

– Да ты не бойся. Никто меня не срисовал!

Ванька деловито скрестил руки на груди, но тут же совершенно по-детски прильнул к Мире в попытке получить порцию нежности. Она осторожно провела ладонью по непослушным, торчащим во все стороны волосам и уступчиво вздохнула.

– Ты... знаешь, что... не говори пока никому, хорошо?

Ванька вскинул на неё свои небесно-голубые глаза.

– Ты о чём?

– Ну... не торопись... А если всё тихо, то отнесёшь часы Лысому, как и собирался.

Мальчик недовольно прокашлялся.

– Мирка, ты понимаешь, я уже передал через Щирого, что часы у меня на руках. Ну... чтобы там... без этих гнилых пантов обошлось, мол, сегодня денег нету, давай завтра или ещё чего... Всё будет хорошо! – поторопился заверить Ванька и Мира пересилила себя, выдавила улыбку.

Ваньку, понятное дело, она не обманула, но даже так сумела внушить некоторую долю спокойствия. Мальчишка поднялся с местами прогнившего тюфяка и подал Мире руку, подтягивая и её следом. Он окинул рассеянным взглядом укромные углы подвала и с неуверенностью потянул:

– Мирка, у нас пожрать что-нибудь осталось? Кишки сводит...

Ванька невольно прикрыл рукой трубящий о голоде живот, а Мира, наконец, опомнилась, оживилась и принялась спешно переворачивать скудные запасы. Она копошилась в груде пустых жестяных банок, ругая себя почём зря за ротозейство.

Понятное дело, прятать еду у них было не принято. Всё, что удавалось достать, делилось по-честному. Но Мира умудрялась всегда оставить дольку от своей порции – Ваньке нужнее. Это он мотался по всему городу в поиске маломальской прибыли, это у него внутри энергия сжигалась, будто при атомном взрыве. А сама Мира могла и потерпеть. Вот и сейчас она сумела-таки выудить затёртый пакетик с хлебом и бутербродной колбасой. стыдно сказать, но эту колбасу она нашла в мусорном баке за рынком. Тогда Мира едва унесла ноги, скрываясь от местных держателей ресторана «Три шкатулки». Впрочем, пацанам она сказала, что купила колбасу на украденные в толпе деньги. Те хоть и покосились на неё с подозрением: Мирка воровать не умела, но всё же смолчали. А вот на рынок показываться перестали все разом. Стоит ли сомневаться, что за эту выходку бока при встрече им ещё намнут... Вот и Ванька при виде такого угощения потупил взгляд и слегка покраснел.

– Зря ты Мирка спуталась с рыночными барыгами, – глотая крупные куски бутерброда, будто голодный пёс, буркнул он. – Хрен они тебе эту колбаску забудут... Проверку тогда ждали и всю просрочку спрятали в баки, а ты увела. Ты, знаешь что, на этой неделе и близко к рынку не суйся, а там Рыжий свалит на острова. Кто знает... может, как вернётся, никто о том и не вспомнит.

Ванька жадно сглотнул, понимая, что бутерброда было нещадно мало.

– Спасибо, – вспомнил он поблагодарить и смущённо улыбнулся. – За мной не заржавеет, – тут же добавил мальчишка и озорно подмигнул, погладил карман, в котором спрятал ценную добычу.

Именно в тот момент в подвал забежал их новенький, Пашка. Мальчишка ещё не освоился и не уяснил, что в чужие проблемы никто сунуться не торопится.

– Шухер, – шикнул он, и натянул козырёк кепки, пряча под ним конопатое лицо. – Там Лысый приехал, а с ним ещё двое. Всех трясут, Ваньку спрашивают. Злые, как черти! – добавил он, придавая ускорения, хотя это было излишне: Мирка с Ваней уже бежали в сторону второго выхода.

– Никого не было, говоришь?! – зло шипела она, едва поспевая за шустрым мальчугом. – Никто не срисовал, да?! – гневно сверкала глазами, до боли сжимая не по-детски крепкую ладонь.

– Лысый сдал, падла! – недовольно процедил Ванька и с омерзением сплюнул на землю: от часов нужно было избавиться.

Дорогое украшение, а в его виде и немалую прибыль пришлось спустить в городскую ливнёвку. Если повезёт и дождя не будет, то вечером есть шанс выловить часики. Правда, они значительно упадут в цене и пойдут как лом, но всё лучше, чем ничего. Ванька с досадой поморщился и бросил торопливый взгляд на Миркины дырявые кеды. Сдержать эмоции не удалось, и он с чувством саданул кулаком по кирпичной стене.

– Пошли! – рыкнул мальчишка, пытаясь за грозным окликом спрятать тот факт, что пришлось невольно шмыгнуть носом, всё же он оставался ребёнком. Сам Ванька не признавался, но поговаривали, что ему ещё нет и девяти.

К слову, ушли они недалеко. Уже на следующем перекрёстке их скрутили и затолкнули в багажник тёмного внедорожника.

– Пойдём в отказ, – цыкнул Ванька на Миру и притих.

Ехали достаточно долго. Некоторое время машину покачивало на ухабистой дороге. Мира молчала. Она в принципе предпочитала решать проблемы по мере их поступления. И плевать, что нехорошее... очень нехорошее предчувствие потряхивало её как в лихорадке. Она смотрела на Ваньку, на то, как тот жмётся, свернувшись в калачик, и наверняка плачет. Главное его сейчас не трогать. Главное – не подать виду, что она всё понимает.

Машина остановилась, и вот тогда страх поглотил Миру с головой. Ванька заворочался, и она поспешила прижать мальчика к себе.

– Всё будет хорошо, – пообещала Мира и не сдержалась – коснулась губами его лба, точно как когда-то её целовала мама. А Ванька отчего-то не стал отпираться, как делал обычно. Он просто кивнул и размашисто провёл рукавом по лицу, стирая с него страх и слёзы, которых, конечно же, не было.

Их вытащили из багажника, удерживая за шиворот, и с силой толкнули на землю. Мира зашипела, Ванька не издал ни звука. Он ловко поднялся на ноги, будто ничего и не случилось, за что тут же получил тычок в плечи. Мира мысленно перекрестилась – могло быть и хуже.

Впереди высился огромный особняк, но в дом «дорогих» гостей ожидаемо не пригласили. К их услугам было не менее просторное помещение на заднем дворе. То ли гараж, то ли сарай. По периметру, вдоль стен стояли какие-то станки, в углах множество коробок. Пахло кожей. Мира и Ванька оказались в центре, по кругу их обступили грозные охранники в составе шести человек. Мира мысленно фыркнула: за глаза хватило бы и одного. Того самого, что затолкал их в багажник. Ванька тогда взбрыкнул и попытался его укусить, за что получил под дых. Удар был внушительным. Сама Мира после такого и разогнулась бы не сразу, а Ванька ничего... стерпел.

Присутствующие молчали, чем значительно накаляли обстановку. Мира вдруг сообразила, что совершенно зря придумывала тупые отмазки, будто никаких часов они в глаза не видели. «Ага, главное вот так сразу не ляпнуть про часы с перепугу» – тут же попеняла она самой себе. Позади раздался неприятный лязгающий звук тяжёлой металлической двери. Мира дёрнулась и физически ощутила, как ситуация в один момент изменилась. Страх вернулся и

с новой силой жалил своим жутким языком, разливая по крови леденящий душу яд. Перед ними появился молодой парень. Ровный взгляд не выражал ни ненависти, ни отвращения. Тот в принципе выглядел и вёл себя так, будто его мало беспокоит происходящее, и, вообще, он оказался здесь случайно. Такое сложилось впечатление. И оно было ошибочным.

Один из охранников подступился ближе и снова толкнул мальчишку в спину, вынуждая сделать шаг вперёд. Силу тот явно не рассчитал и Ванька едва не распластался на светлом полу, а парень, что пришёл последним, широко и как-то безумно улыбнулся.

– Узнаёшь меня? – вполне дружелюбно начал он. Общее положительное впечатление портила только та самая улыбка. Мира назвала бы её стрёмной.

Ванька затих. Мира поняла, что он внимательно рассматривает собеседника, но узнавания явно не случилось, и мальчишка решительно качнул головой. Парень продолжил улыбаться.

– Да ладно! Не узнаёшь?! – облизнулся он и выразительно хмыкнул. – А вот я тебя сразу узнал. Давай, – парень по-дружески потрепал Ваньку по плечу и даже едва заметно приобнял, – давай я, если что, обрисую ситуацию. Так, чтобы потом без обид, да? Мне, по сути, всё равно, чем ты там промышляешь. Хочешь – бомжуй, хочешь – воруй, хочешь – убивай. Но так случилось, что наши интересы вдруг пересеклись в одной точке. Ты украл мою вещь. И дело здесь даже не в цене – поверь, на твои поиски я потратил столько же. Дело не в принципе, как ты мог подумать. Просто эта вещь была мне очень дорога. Я хочу её вернуть. Понимаешь меня?

Ванька кивнул. Он кивнул, а Мира зажмурилась: понимал, ох, как понимал. И сейчас, пожалуй, многое отдал бы за то, чтобы вернуться в то время и в то место, где имел неосторожность «сбросить» свой улов. Парень меж тем продолжал:

– Так вот, суть вопроса проста: ты возвращаешь мою вещь и идёшь на все четыре стороны, ОК?

Предложение прозвучало вполне миролюбиво. Ванька даже с готовностью кивнул, правда, предъявить ему, по-прежнему, было нечего. Впрочем, парень не знал всей этой подоплёки и, получив кивок согласия, разве что не сплясал от удовольствия.

– У меня нет часов... – прозвучало... даже не обречённо, нет. Прозвучало всё это вполне себе твёрдо и осознанно, а вот лицо парня после этих слов светиться благодущием перестало. – Я их... потерял, – запнулся Ванька.

Мира задержала дыхание и до скрипа стиснула зубы.

– Его барыга сдал. Сбыть часы мальчишка не успел, – раздалось из-за спины, и Мира втянула голову в плечи.

Этим один из охранников так непрозрачно намекал, что мальчишка просто упрямитесь, что не мешало бы надавить. Обернуться и метнуть в того испепеляющий взгляд Мира не решилась. Больше её занимало то, что происходило впереди. А впереди был Ванька и парень, у которого он умудрился стянуть дорогие часы. И этот самый парень продолжал внимательно всматриваться в Ванькино лицо. В непроницаемое лицо мальчишки, закалённого улицей, голодом, жестокими правилами бездомной жизни. В этом лице не было страха. Не было в нём и безысходности.

Мира не раз видела, как умело Ванька менял личину и своей непроницаемостью, твёрдостью взгляда мог бы гнуть гвозди. Вот только сейчас это мало кого интересовало. Во взрослом мире нет места упрямам. Ты должен прогнуться. Ты должен подчиниться. А если нет, то тебя сломают.

Что-то такое и мелькнуло на лице парня. Что-то сродни желанию сломать, скрутить в бараний рог и с очевидным превосходством насладиться плодами проделанной работы. Но вопреки ожиданиям, вместо зловещего рыка с его губ сорвался задорный смех. В знаке капитуляции он поднял ладони вверх и с негодованием покачал головой.

– Ну ладно, стоит признать, что внушение не удалось, – сквозь редкие смешки проронил он. – Психолог из меня и впрямь никакой, – признался парень, игриво подёргивая бровями. – Но ведь ещё никто не отменял варианта «по-плохому», верно? – странно причмокнул он губами и вскинул взгляд туда, где за спиной Миры собралось немало желающих продемонстрировать тот самый вариант «по-плохому». – Володь, поработай, – слетело с губ предложение, не обременённое ответственностью.

Словно в забытии Мира наблюдала за тем, как плечистый парень уверенно шагнул вперёд, как с беззаботным видом свалил несчастного Ваньку с ног, а потом замахнулся для удара. А самое страшное было в том, что он вовсе не пугал. Он просто взял и со всей своей бычьей силой пнул ненавистного ему мальчишку ногой в живот. Он пнул, а несчастный Ванька стиснул зубы, чтобы не закричать от боли... или не заплакать. За первым ударом последовал второй, а за ним третий. И Мира будто вырвалась из оцепенения. Она бросилась к охраннику, вцепилась в его плечи.

– Не бейте его! – вскрикнула, когда тот отмахнулся, заставляя её отлететь на добрых восемь шагов.

Наверно, парень подал какой-то знак, не иначе, потому что все те, кто бросился за ней следом, внезапно вернулись на место, а плечистый, безжалостно избивающий Ваньку, криво оскалился.

– А это ещё кто? – произнёс молодой человек таким тоном, будто увидел Миру только что, а для пущей убедительности окинул выразительным взглядом всех присутствующих. – Твоя подружка, да? – лениво бросил парень в сторону Ваньки, лежащего на светлом полу без признаков жизни. – Володь, обожди, – взмахнул он рукой.

Глянув на Миру ещё разок, парень повеселел, раскованно улыбнулся и неспешной походкой приблизился к ней. Ванька простонал что-то нечленораздельное, за что тут же получил увесистый тычок в бок, после которого охранник демонстративно обтёр мысок дорогой туфли о его же одежду. Впрочем, на этот эпизод никто, за исключением Миры, не обратил внимания. Парень уже примерялся к очередному «внушению». Мира мгновенно ощутила подступающую тошноту и старательно сглотнула, прогоняя обратно в желудок всё то, что могло в нём остаться после вчерашнего скудного ужина.

– Привет, – мягко и податливо проронил парень, игриво склонив голову набок.

Он проникновенно улыбнулся. Так, будто Мира могла пропустить происходящее или забыть о Ваньке под действием гипнотического магнетизма. А впрочем, ни о каком магнетизме она не знала. Не доросла ещё. Она мелко подрагивала, при этом умудряясь решительно подставляться под жадный взгляд. Она подставлялась и всем своим видом демонстрировала, что не боится. Впрочем, парня мало заботила её храбрость, здорово смахивающая на откровенную глупость. Сейчас он думал о чём-то о своём и неуверенно хмурился.

– А у тебя глаза красивые, знаешь об этом? – выдохнул он в итоге, обдавая Миру лёгким ментоловым дыханием, смешанным с ароматом дорогого алкоголя и остатков вчерашней попойки.

Она ожидала услышать нечто принципиально иное и потому вдруг растерялась, обвела пересохшие губы языком и совершенно неуместно покраснела. В запале хотела что-то возразить, потом нагрубить, а в итоге сдулась и не осилила даже звука. Где-то на периферии сознания Мира улавливала импульсы, призывающие унять гордость, не нарываться, но ничего путного в голову не приходило, и на выхлопе она получала только усиленно работающие на сжатие кулаки. К слову, разжимала она их с той же периодичностью.

Парень не казался ей откровенным злодеем, но от этого не становился менее страшным. Скорее, он был непредсказуемым. Да! Непредсказуемым и оттого особенно опасным. От его взгляда становилось не по себе. Сначала бросало в жар, но тут же обдавало леденящим холодом. Таким... колючим, пронизывающим холодом, который обычно испытываешь вблизи

человека одинокого, озлобленного, всеми брошенного. Мира сделала крошечный шагжок вперёд, а парень, стоящий напротив, ухмыльнулся.

– Итак, я слушаю тебя о-очень внимательно, – явно паясничая, начал он.

– Не бейте его! – в запале выкрикнула Мира, совершенно забывая вложить в вызывающую интонацию просительные нотки.

Парень заинтересованно вскинул подбородок. Уголков его губ коснулось некое подобие улыбки. Пустой и безликой.

– Ты не поняла, – доверительно пробормотал он, теперь улыбаясь будто извинительно и чуть устало. – Я не хочу его бить. Я хочу получить обратно свои часы. Только и всего, – заверил парень, а Мира аж цыкнула от внезапно накотившего нетерпения и отчаяния. – Мои часы, – повторил он для убедительности и вдруг нахмурился: – знаешь, где они?

– Нет, – взволнованно отмахнулась Мира, мысленно желая что-то добавить, а тот перехватил её ответ.

– Нет?! – повторил парень за ней следом так, будто был страшно разочарован. – Володь, – со странным, извращённым удовольствием потянул он, и град давно подготовленных ударов посыпался на Ваньку с новой силой.

Мира было дёрнулась, но на плече сомкнулась крепкая хватка, не позволяющая сдвинуться с места. Со взглядом, переполненным беспомощностью, она уставилась на длинные пальцы, на побелевшие от напряжения костяшки и мысленно взывала.

– Не нужно бить, у нас нет ваших часов, правда, – жалко простонала она. Настолько жалко, что самой стало противно. И тогда парень наотмашь ударил её по лицу.

Мира упала то ли от неожиданности, то ли вдруг потеряв опору в виде его хватки. А парень склонился и с азартом естествоиспытателя впился в неё взглядом.

– Это очень плохо, – хищно улыбнулся он. – Для вас, – пояснил, делая очередное внушение.

– Володь, если ты забьёшь его до смерти, то своих часов я точно не увижу! – прикрикнул парень, заставляя Миру вздрогнуть от силы голоса, которая всё это время пряталась за мягким тембром и ласковой подачей.

Парень направился к Ваньке и склонился уже над ним. Чуть потормошил, приводя в чувства.

– Где мои часы, ублюдок? – миролюбиво и как-то противоестественно сладко пропел он. – Ну что ты мычишь, а? Где?! – парень потряхнул Ваньку за грудки. – Или твоё мычание – это знак? Где часы? На пастбище, что ли?! Володь, что он там бормочет, я ни черта не понимаю! – капризно пожаловался молодой человек и мученически скривился.

Ванька затих, а Мира под давлением страха и абсолютной беспомощности осела на пол.

– Он ведь ничего мне не скажет, так? – услышала она вопрос и вскинула взгляд.

Парень смотрел на Миру и явно ожидал ответа. Мысли в её голове забегали со скоростью тараканов после включения света в кухне, и эти мысли оказались самыми настоящими предателями. Парень довольно оскалился и осознанно кивнул.

– Ты что-то знаешь, – с уверенностью заключил он и едва не облизнулся от удовольствия.

Оглянувшись на охранника, парень нахмурился.

– Этого давай в вольер. Там ему самое место. А вот с тобой... – молодой человек плотно улыбнулся, но Мира этого не замечала, она, как в замедленной съёмке, наблюдала за тем, как Ваньку, будто мешок с ненужным хламом, потащили в сторону второй двери, которую она в панике не сразу приметил.

Ванька то ли застонал, то ли заскулил от боли. Запоздало спохватившись, Мира неловко поднялась и уставилась в глаза парню, который был здесь за главного.

– К-как в вольер... – пробормотала она, чувствуя, как сердце сжимается в болевом приступе. – Е-его нельзя в вольер... Его нельзя в вольер, он собак боится! – прокричала Мира во всю силу голоса, но глаза парня опасно заблестели.

Буквально в два шага он настиг её, сжал шею так, что потемнело в глазах, и несильно потрянул.

– Его нельзя в вольер! – зарычала Мира и забилась в его руках, понимая, что от безумной хватки находится на грани сознания и эта грань вот-вот ускользнёт в небытие.

– Ещё одно слово, – заколотился парень, скрипя зубами. – Ещё хотя бы одно слово в том же тоне и ты сама отправишься к псам! Поняла меня?!

Он с отвращением оттолкнул Миру, а та в ответ только гневно вскинулась.

– Да пошёл ты, урод! Я тебя не боюсь! – успела выкрикнуть она прежде, чем безумец схватил её и потащил к той самой двери, за которой только что скрылся охранник с Ванькой.

В нос ударил резкий запах псины. Загремели металлические цепи, залязгали, переворачиваясь, жестяные миски. А уже в следующий момент Миру прижимали щекой к жёсткой, натянутой на вольер сетке. Напротив, всего в нескольких сантиметрах от неё, послышался дикий рык. Мгновение и лай десятка псов обрушился на Миру. Злой лай, раздражённый. Собаки рвались с цепи, желая приблизиться к той самой сетке и выдрать из чужачки кусок мяса. Когти жутко скрежетали по плитке, цепи натянулись, едва сдерживая порыв. Из разинутых пастей несло чем-то отвратным, тошнотворным.

– Я скормлю тебя этим псам, – хладнокровно напомнил парень, и Мира знала: не шутит.

Только почувствовав, как её тело безвольно обмякло, тот ослабил хватку, а потом и вовсе отпустил её. Жуткие твари продолжили разрывать пространство своим гневом, агрессией, выслуживались перед хозяином. Они лязгали белоснежными зубами, с напряжённых губ стекала вязкая слюна, а в злых глазах отражался её собственный страх и Мира заплакала.

– Предлагаю вернуться к нашему разговору, – обозвался парень и, размазывая по щекам горько-солёные слёзы, Мира поднялась, тяжело опираясь ладонями о пол.

Она безвольно брела следом, пока в одной из клеток не разглядела Ваньку. Бледного, избитого, до смерти перепуганного. Мира знала, почему тот боится собак. Однажды она видела его некогда разорванную голень. Мышцы на ней срослись неправильно и были перетянуты. Оттого Ванька едва заметно прихрамывал, припадая на больную ногу. Мальчишка рассказывал ту историю с ироничной улыбкой на губах, будто какой-то пустяк, но Мире признался... наверно, только ей он и признался, что с тех пор до смерти боится собак. Вот он сейчас и сидел. Притихший, затаившийся. Он не издавал ни звука и, вероятно, практически не дышал.

– Бросишься к нему – пожалеешь, – на ходу осадил её парень своим безразличным тоном. Мира сжала кулаки и опустила голову.

Глава 2

Они вернулись в то же помещение. Парень натянуто вздохнул.

– Пошли вон, – лениво бросил он присутствующим и запрокинул голову, ожидая, пока его приказ исполнят. – Ну что? – обернулся тот на Миру, и она дёрнулась от неожиданности, потому что именно сейчас вздумала рассматривать его.

Пойманная на подглядывании Мира растерялась и совершенно нелепо покраснела, впрочем, парня это не особо заботило.

– Чё-ёрт... – простонал он, сжимая голову ладонями с боков. – Башка трещит, ноги гудят, а тут ещё вы с этими глупыми выходками! – возмутился он. – Дай, я хотя бы сяду! – раздражённо пробормотал парень и метнулся к ближайшему столу.

Он сдёрнул тёмный чехол и опустил на самый угол, удручённо уставился на Миру.

– Иди сюда, – подозвал, делая характерный жест рукой.

На негнущихся ногах Мира приблизилась и вытянулась по струнке у самой стены. Она не хотела казаться жалкой, потому нашла в себе силы, чтобы расправить плечи, и вскинула подбородок. Парень присвистнул.

– Если ты сейчас вздумаешь бросаться в меня громкими словами, указывать или хотя бы просто повысишь голос, клянусь, отправишься следом за своим щенком, – криво усмехаясь, пробормотал он и неодобрительно покачал головой.

Именно в этот момент со стороны комнаты с вольерами показался охранник, который с плохо скрываемым удовольствием бил Ваньку ногами. Мира содрогнулась от устремлённого на неё взгляда и втянула голову в плечи. Охранник приблизился, схватил её за шиворот и потрянул. Ворот куртки затрещал, поддаваясь силе, а в глазах потемнело от страха.

– Ну что, сладкая, поговорим или продолжишь упрямиться? – бесстрастно усмехнулся он и как-то странно прихватил её ладонью за бок.

Сначала схватил, а потом огладил. Сделал это вызывающе и с явным намёком.

– Вот мы с тобой в комнате охраны пообщаемся, и ты мне всё расскажешь, верно? – похотливо ухмыльнулся он, и сердце у Миры застучало как у птицы, пойманной в силки.

Пытаясь уйти от жадного касания, она вжалась в стену и невольно заскользила по ней в сторону. Парень вызывающе прокашлялся и сполна одарил охранника презрением.

– Володь, я тебе не мешаю, нет? Мне какой толк с твоих игрищ? Или ты считаешь, что меня волнует степень сексуального удовлетворения охранников?

– Я... – начал было тот и осёкся.

– Ты не справляешься, Володь. Отдохни, – посоветовал парень и махнул головой в сторону выхода.

– Но девчонка...

– Считаешь, что я с ней сам не разберусь? – не позволил он договорить и вздохнул, демонстрируя нетерпение.

Охраннику явно было, что возразить, но вместо своего возражения он лишь услужливо кивнул и ушёл. С тяжёлым металлическим звуком захлопнулась дверь и Мира поняла, что только тогда и смогла выдохнуть.

– Нормально я тебя отмазал, да? – напомнил о своём присутствии парень, и Мира осознала, что выдохнуть она явно поторопилась.

Он смотрел на неё очень внимательно. Сейчас был слишком близко и буквально вспарывал нутро своим пытливым интересом. Наверно, стоило его поблагодарить, вот только Мира толком не понимала, за что и как это сделать, потому она лишь едва уловимо кивнула, условно соглашаясь с вызывающим заявлением. Этого оказалось достаточно.

Парень задумчиво склонил голову набок, и его взгляд смягчился, поплыл. Мира расслабилась и улучила момент, чтобы как следует его рассмотреть, ведь хорошо изучив противника, есть шанс предугадать его поступки. Но как бы старательно Мира ни пыталась подловить мельчайшие детали образа, картинка не складывалась. Парень был... словно хамелеон. С тысячей личин, с множеством масок. Привлекательная внешность тут же превращала его в классического злодея. Тёмные волосы, лёгкая небритость... Глаза серые, прямой нос и общие правильные черты на смуглом лице. Он был выше Миры на целую голову и значительно шире в плечах. Этаким всеобщий любимчик, который, оставшись наедине с собой, превращается в непримиримого тирана. Он, безусловно, был лидером. Умел подавлять. И дело здесь вовсе не в том, что Мире всего тринадцать, а сам парень явно переступил черту совершеннолетия. Уж кто-кто, а она имела опыт такого вот влияния. Её отец не то что взглядом, а одним лишь своим присутствием в комнате заставлял окружающих чувствовать себя неудобно.

Парень был не обделён умом, и твёрдой походкой двигался к намеченным целям. Однако наравне с рассудительностью вспыхивали эмоции, которые он ещё не научился контролировать, и случались такие вот эксцессы. Сейчас казалось, что он и сам пожалел об этой затее с часами. В смысле, жалел о том, что вписался в неё лично, а ведь мог бы поручить тому же Володе... Пожалуй, в этот самый момент парень и думал о том, что так было бы гораздо лучше. И вот он смотрел на Миру и... откровенно недоумевал, что с ней делать. Идеальным вариантом было бы договориться. Лично она бы на его месте так и поступила. Вот только договор должен иметь как выгоды, так и лишения. И вот в его голове уже зреет план, какие выгоды посулить и какими лишениями стоит пригрозить, чтобы непременно добиться результата.

– Чем это от тебя пахнет? – неожиданно огородшил он вопросом и Мира опешила.

Во-первых, опешила от смущения, ведь пахло от неё несвежей одеждой, подвальной сыростью и поздней осенью. Да... этот запах подгнившей листвы сложно спутать с чем-то другим. Во-вторых, в голову влезла совершенно нелепая мысль, что девушка так пахнуть не должна и Мира покраснела уже в который раз. Наверно, всё дело в том, что он был совсем рядом. Конечно! Когда она могла вот так же оказаться в недопустимой близости от привлекательного парня?.. Уж точно не в своём нынешнем положении! А ещё этот его откровенный взгляд и желание добиться чего-то немыслимого...

– Это какие-то духи? – вместо неприязненно скривленного лица, снова поинтересовался парень, втягивая в себя воздух, которого Мире казалось чертовски мало.

От отчаяния она готова была расплакаться – так унижить нужно ещё постараться! Но вместо вызывающего смешка парень снова и снова вёл носом, словно пытаясь поймать это узнавание, которое никак не отзывалось в памяти. Он обличающе посмотрел на Миру, прищурился так, словно она водит его за нос и пытается обмануть, а затем потёр указательным пальцем висок и недовольно прищурился, прицениваясь к очередной безумной мысли.

– Всё своё носи с собой! – задорно подмигнул он, заставляя Миру присесть от внезапно прозвучавшего голоса. – Или я неверно трактую законы улиц? – улыбнулся он. – В любом случае, сейчас проверим... – задумчиво пробормотал этот псих и принялся прохлопывать карманы Миры так, будто надеялся найти там настоящее сокровище.

Нашупать флакончик с духами не составило труда. А вот той ловкости, с которой он умудрился его вытащить из внутреннего кармана куртки, стоило позавидовать. Мира было дёрнулась, но парень мгновенно сориентировался и надавил ладонью на её грудь. Ударившись лопатками о гладкую поверхность стены, Мира притихла, но внутри уже зарождалась буря. Меж тем он оценил флакончик и в удивлении приподнял брови.

– Да ладно! Лимитка «Kenzo». Где взяла? – сверкнули его глаза. – Украла... – догадливо потянул он, с лёгкостью вешая ярлык.

Меж тем парень снял колпачок и нажал на распылитель. Мира взвилась.

– Не смей! Это моё! – возмутилась она и попыталась дотянуться до флакона. Парень, играючи, вздёрнул руку выше и нажал на распылитель снова.

Мира рассвирепела и бросилась на него. Стоит ли говорить, что глупая попытка не увенчалась успехом? Потирая покрасневшую от пощёчины кожу, Мира прикусила подрагивающую нижнюю губу.

– Ты понимаешь только язык силы? Отлично, потому что мне он хорошо знаком, – мстительно сощурились его глаза. – Наверно, ты не так умна, как показалось изначально, если до сих пор не уяснила: я сильнее. Сильнее физически, по духу, а также превосхожу тебя в росте и весе. Твоя выходка – весьма опрометчивый поступок. Опрометчивый и глупый. Ты в зависимом положении, милая. Надеюсь, не против, если я буду так тебя называть?

– Не против, – буркнула Мира, понимая, что парень так и ждёт её ответа.

Уловив в её голосе нотки смирения, он покровительственно кивнул и удовлетворённо улыбнулся, а Мира вынуждена была признать, что весь её анализ пошёл насмарку. Ничего-то она про него не поняла!

– Кто тебе этот мальчишка? Брат? Не очень-то вы и похожи... – бросался парень словами. Такими же острыми, каким сделался его взгляд. – А я вот всегда мечтал о младшей сестрёнке, – неожиданно смягчился он. – О такой же задиристой, как ты, младшей сестрёнке, – широко и практически ласково улыбнулся молодой человек. – Мечтал воспитывать её, хотя осознавал, что, скорее, в состоянии только лишь дразнить. Как ты понимаешь, подобного опыта я не приобрёл, потому не советую со мной шутить. Сейчас не самый светлый период моей жизни и очень не хотелось бы сорваться на тебе только потому, что оказалась не в том месте и не в то время. Ты как считаешь?

– Считаю, что ты совершенно прав! – бесцеремонно фыркнула Мира, но парень это проглотил.

– Отлично... – чуть рассеянно потянул он, вероятно, пытаясь понять, откуда в этом тщедушном тельце столько борзости. Воспитание улиц – не иначе, кивнул он сам себе. – Отлично! – повторил парень куда бодрее. – Так, откуда у тебя вода? Её, наверно, и выпускать перестали до твоего рождения? Что, нравится шёлковое дерево?

– Нравятся эти духи, вот и всё. А взяла на рынке недалеко от подвала, в котором живём.

– А чего тогда бросалась? Завтра пойдёшь и купишь себе ещё.

Парень проронил это с явной издёвкой, с намерением вывести девчонку на чистую воду, а вот она не поддалась.

– Потому что у меня нет лишней тысячи! – вспыхнула Мира.

Врала она так же неумело, как и воровала. Знала это наверняка. Теперь знал и он. Знал... а иначе с чего бы ему так скалиться?... С той же паршивой ухмылкой из заднего кармана джинсов парень достал смятые купюры и протянул Мире тысячу. Она поджала губы и нервно приотпнула ногой. Парень хмыкнул и толкнул тысячную купюру ей за пазуху.

– Итак, – подвёл он итог, – этого замечательного аромата ты, считай, лишилась. Пожалуй, я оставляю его себе на память. Двигаемся дальше: мои часы.

– У меня их нет, – скрипя зубами, доложила Мира, и парень с готовностью кивнул.

– Ага, слышал: вы их потеряли. Так вот если не хочешь так же потерять и своего щенка, то советую поторопиться и всё же вспомнить, куда, в какой тёмный угол вы «потеряли» мои часы. Времени тебе даю до утра. Нет... – он развёл руками, – обижайся только на себя. Не успеешь – посажу на цепь с остальными зубастыми тварями.

– Но я... – Мира хватанула воздух ртом, а парень резко расправил плечи, не позволяя возмутиться.

– Я уже говорил, что не намерен шутить? – он вызывающе приподнял одну бровь. – Мне не жаль тебя. Ни тебя, ни этого щенка. И за свои мелкие пакости вам двоим придётся ответить, – пригрозил он, бесцеремонно тыча пальцем Миру в грудь.

В какой-то момент парень нахмурился и задумчиво пробубнил:

– А впрочем... ты мне ничего не должна. Не хочешь впрягаться за своего пацана, можешь не возвращаться. Всё! – решительно подвёл он черту под сказанным. – Из посёлка выберешься на электричке. Станция в двух километрах. А вообще... думаю, такие как ты, дети улиц, не нуждаются в инструкциях, не так ли?... – парень многозначительно хмыкнул, бросил на Миру последний, весьма вызывающий взгляд, и она поспешила сорваться с места, чтобы всё же вытащить Ваньку из беды.

Глава 3

У виски был странный, неприятно горький вкус, но он безотказно и непозволительно быстро бил по шарам, отключая сознание, зрение... да и остальные органы чувств по списку. Предстоял разговор с отцом. Впрочем, Ромка готовился к нему уже не первый день. Да и как готовился... тупо пасовал.

Две недели назад его нашёл нотариус и нёс по телефону суший бред. Дело было в каком-то завещании. А что: было бы забавно похоронить неизвестную, но оттого не менее горячо любимую тётушку где-нибудь за океаном, получить её домишко с банковским счётом и десятком котов в придачу и вырваться, наконец, из-под опеки отца. Почему бы и нет?.. Котов Рома любил...

В кабинете нотариуса стало не до смеха. Завещание оказалось вовсе не глупой шуткой, а вполне себе реальным документом. А наследство Роме оставила мать. Так странно... она умерла больше года назад, а о завещании он узнал только что. Щекастый юрист в дурацком галстуке пояснил, что такова была её воля: Ромке должен был исполниться двадцать один год. Обмозговав эту новость, парень пришёл к выводу, что подобное условие было вполне разумным. Кто знает, что бы он мог накуролесить ещё год назад. На эмоциях, только лишь из желания бросить вызов отцу и всему миру в придачу!.. Сейчас же он чётко осознавал, что делать со средствами. Было у него несколько толковых идей. «Домишко», к слову, тоже поступал в его распоряжение.

А ведь Ромка и не знал, что загородный особняк достался их семье от маминых родителей. Ему всегда казалось, что роскошный дом, участок и остальные прелести деревенской жизни – результат упорного отцовского труда. Ведь тот так часто напоминал о своей важности, что помыслить о другом казалось противоестественным. Сейчас же всё виделось в ином свете. И отцовские старания оказались не более чем попыткой доказать тому же тестю свою состоятельность как мужчины. А ещё у матери были деньги. Свои деньги. И очень внушительная сумма. Ромка смотрел на выписку с унаследованного банковского счёта и будто наяву слышал, как скрипит зубами отец. Весьма сомнительно, что он мог позволить себе подобные траты.

И вот как раз на эту тему им и предстояло поговорить. Ромка должен был заявить о самостоятельности, и, признаться, наконец, что давно имеет собственное видение жизни, свои особенные представления о ведении бизнеса. За последний год он мог похвастаться тремя удачными стартапами. И это только те, которые приносили реальную прибыль. Идей была уйма, но не на каждую хватало времени и сил на раскрутку. Поиск инвесторов, опять же... Но именно эти три были вполне перспективными в смысле построения бизнеса. Стартовый капитал давно ждал своего часа. Первый миллион он заработал едва ли не шутя, второй, третий – по накатанной. И, пожалуй, только отец так этого и не заметил. Новая идея требовала развития, масштабирования, серьёзных материальных вливаний. Но всё время казалось, что обратиться за помощью к отцу рано, что он не поймёт. Добросовестность, намерения, возможности и результаты – четыре столпа бизнеса, которые уже были в копилке Ромы. Вот только отец не признавал каких-то новшеств. Строительство, алкоголь, продукты питания, здравоохранение – вот те позиции, к которым следовало стремиться. Основа основ! Потому что народ всегда хочет есть, пить, жить в собственной лачуге и чувствовать себя умеренно здоровым. Так твердил отец. Твердил и всячески способствовал тому, чтобы Ромка пробился, продавал себе дорожку в нужную сторону. И хотя сама идея с продуктами питания тоже топталась в очереди, Роме не нужна была «правильная» сторона, ему было нужно время. И потому практике в серьёзной строительной организации он предпочёл сомнительное место в заштатной конторке. Уж там времени было вагон!

И вот сейчас он напивался. Не для того, чтобы разобраться в себе, а чтобы заглушить обиду, ведь отец в него не верил и вместо такой необходимой поддержки только успевал выдавать нагоняи, устраивать разносы и втаптывать амбиции в пол.

Пришёл в себя Ромка от гневного рыка отца, хотя точно помнил, что засыпал, устроив локти на барной стойке. Батя нёс какой-то бред и плевался обвинениями. В себе Рома был уверен, потому и не торопился покаянно опускать голову, но отец гнул свою линию и уступать не собирался.

Слово за слово, агрессия в ответ на агрессию и вот из банальной перепалки они вышли на реальную ссору с последствиями. Ромка вспылал, да!.. Но и отец не подарок. Чего только стоило его нелепое обвинение, будто он кого-то трахнул и избил. Бред! А впрочем, Рома давно не в ладах с администратором клуба и чаще являлся туда, чтобы поиграть на нервах. Доигрался, что б его! Из путаных объяснений отца выходило, что где-то Ромка всё же накосячил, где-то попался. На ум сразу пришла Алинка с её закидонами. Она предпочитала пожёстче и ловила кайф от ролевых игр в подчинение. Несколько раз девчонка нарывалась на откровенных садистов и вот закономерный результат. Правда, в качестве овцы выбрали Ромку. Обидно. Но не так обидно, как обвинительный взгляд отца. Хотя разочарования в этом его взгляде было куда больше. И как закономерный результат – громкие фразы вроде «ты мне больше не сын».

Ромка ответил. Просто ответил, не более. И про наследство вспомнил, и про права. А в результате вышло так, как вышло. И вот он остался один в огромном доме. Разве не этого хотел? Не этого, ***дь! И как граната в спину прилетело заявление, будто Ромка отцу неродной. Звучало до примитивного тупо. Но так низко и подло обычно мстят бабы. Не в характере отца выкидывать подобный фортель – в этом батя был кремень. Его слово – закон. И что же тогда получается?..

На эмоциях Рома даже набрал лучшую мамину подругу, Агнию. Та была барышней с чудиной, но в целом адекватной. На простой вопрос она заметно замялась и весьма неумело ушла от ответа. Пригласила на чай. Да так затейливо пригласила, что аппетит пропал напрочь... впрочем, как и желание спать.

Для чая рановато, но ждать сейчас было подобно самоубийству, и Рома отправился в гости. Агния улыбалась ему как своему лучшему любовнику и, несмотря на ранний час, пригласила войти. Стоит отметить, что в подростковом возрасте в её присутствии Рома часто испытывал характерную неловкость. Сейчас он с ностальгией припомнил её фокусы и вынужден был признать, что все прежние улыбочки, ужимочки, намёки – не более чем тонкий и весьма изысканный флирт. А, учитывая, что виделись они часто, Агния надрессировала Ромку «на отлично» и в присутствии ровесниц он откровенно скучал, повышая планку до девушек с фантазией. Поэтому у него были лучшие подружки. Самые азартные, самые заводные, самые горячие. Правда, глядя сейчас на Агнию, Рома был вынужден признать, что любую из его бывших пассий эта мадам с лёгкостью заткнёт за пояс.

Агния предложила ему устроиться за столом и действительно подала чай. До последнего Ромка считал, что это её приглашение лишь способ развеять скуку. А, учитывая, что галантностью он в принципе никогда не отличался и вёл себя довольно резко, то поддерживать светскую беседу отказался.

– Что там с моим отцом? – напомнил он суть вопроса, и Агния капризно надула губы.

– Рома, Рома, ромашка, – ласково рассмеялась она и с материнской заботой пригладила его непослушные волосы. – И когда только успел вырасти? Я помню тебя прежним: ты с удовольствием слушал мои рассказы, не смея подать голос – всё чаще прятался за вот такой же чашкой чая и очаровательно краснел.

Женщина с умилением вздохнула, и Рома вскинул подбородок, давая понять, что вести в этом диалоге будет не она.

– Мама мне завещала дом и счёт в банке. Ты что-нибудь об этом знаешь? – весьма невежливо продолжил он, и в этот раз Агния вздохнула опечаленно.

– И всё-таки жаль, что ты вырос...

Она склонила голову набок и криво улыбнулась. Это её ничуть не портило, ведь Агния была из тех женщин, которые с возрастом становятся только лучше. Она умудрялась злиться, язвить, ненавидеть... и при этом оставаться божественно красивой. Красивой, яркой, незабываемой. Но на Ромкин вкус приторно-сладкой. В ней всего было слишком, всего с избытком. С избытком игры и с избытком честности. Но только если она того хотела. Сейчас Агнию не посетило желание развлекаться, и это её расстраивало куда больше прозвучавшего вопроса. И вот она передёрнула острыми плечиками, из-за чего шёлковый халатик сполз набок, чуть открывая полную грудь. Она старательно вздохнула и выдала вымученную улыбку.

– Я не была знакома с твоим отцом, – на этом Агния извинительно развела руками. – Но я видела его несколько раз. Вы очень похожи.

Рома едва сдержался от того, чтобы чертыхнуться.

– Да ладно... – сплюнул он в сердцах. – И ты туда же! Ну, понятно отец злился...

Ромка непроизвольно вскинул руки и сжал кулаки. Агния обольстительно улыбнулась.

– А какой смысл отпираться, если это правда? – резонно заметила она. – А что с Борей, почему он злится?

– Да там... – Рома запнулся и бросил на женщину опасный взгляд: она хотела увести разговор в сторону. – Давай не сейчас... – весьма деликатно предупредил он её следующие попытки.

Агния вскинула руки в знаке капитуляции.

– Ты хочешь сказать, что мама изменяла отцу?

– Я не знаю, что произошло между ними, но едва ли это была измена. А впрочем, Лия была такой женщиной... – Агния довольно зажмурилась и причмокнула губами. – Это сложно описать словами, это можно только прочувствовать.

Рома противно оскалился.

– Ну, ты уж постарайся. Ради меня.

Агния игриво прикусила губу и закатила глаза, словно испытывала состояние блаженства.

– Перед ней нельзя было устоять. Одним своим присутствием Лия связывала мужчин по рукам и ногам. Как бомба отсроченного действия. Сначала поражала, а, уходя, убивала наповал. Она обладала какой-то особой энергетикой. Скажу честно, я ей завидовала, – на этом Агния подмигнула и раскованно рассмеялась глухому Ромкиному рыку. – Когда Лия вышла замуж, я даже отчасти была рада, что лишилась такой сильной соперницы. Но ведь мужчинам совершенно безразлично, какую женщину желать: не обременённую отношениями или находящуюся глубоко замужем. Это какая-то магия. Или игра гормонов.

– Не тебе жаловаться на отсутствие мужского внимания, – заметил Ромка, и Агния уклончиво кивнула.

– У Лии область поражения превосходила мою во сто крат! – произнесла она так, будто хвастала, но Рома не оценил, и ей пришлось свернуть эту тему. – Я, правда, не знаю, что между ними произошло. Я имею в виду твоих родителей, – с хитрецей уточнила Агния, и Рома беспомощно прикрыл глаза: эта женщина будет говорить то, что хочет или не будет говорить вообще!

– А что произошло между матерью и её любовником, знаешь?

– Фу, какой ты стал грубый! Это была вовсе не постельная утеха, как ты успел себе представить.

– А что же?

– Что? – Агния выглядела так, будто и сама впервые задумалась над этим, а затем едва не облизнулась от удовольствия. – Это был ядерный взрыв! У этих двоих просто не было шанса разминуться или как-то обойти судьбу.

– Ну, раз всё было так серьёзно, почему же она не ушла от отца?

– Думаю, потому что любила.

Рома едва не поперхнулся той патокой, которую женщина вложила в свои слова и в общий смысл.

– Отца? – прокашлявшись, уточнил Рома, и Агния скривилась в отвращении.

– При чём здесь твой отец?! – фыркнула женщина. – Лия влюбилась в того мальчишку! До одури, как сказали бы сейчас! – глаза Агнии сверкнули. Сверкнули азартом и... да... это, действительно, была зависть.

– Что значит в мальчишку?

Агния снова пожала плечиками, но в этот раз придержала ворот халатика рукой.

– Я точно не помню... кажется, ему было всего шестнадцать, – разглядев в лице Ромы растерянность, Агния поспешила добавить: – Но уверяю: потерять голову от этого парня могла любая. Правда, лично я не удивилась, что он выбрал твою мать.

– Ты выдумала это только что? – рыкнул Рома, не желая мириться с мыслями, что сейчас бродили в его голове.

– Лия боялась испортить мальчику жизнь и потому вернулась к мужу. Никто не знал. Просто глаза, которые искрятся счастьем, не утаить.

Рома внимательно выслушал этот бред и решительно выдохнул.

– Ну, отлично! Вот просто груз с плеч! Агния, ты это серьёзно?!

– Более чем... – отозвалась она так, будто подобное было в порядке вещей. – К тому же ты совершенно не похож на Боря, а вот на мальчишку... – Агния примерилась. – У тебя тот же волчий взгляд и обезьянья ловкость по жизни. Я слышала о твоих последних успехах, – будто секретом поделилась она, приставив ладошки к уголкам рта. – Мама была бы довольна.

– Серьёзно? Рад, что ты так считаешь, – язвительно скривился Рома и вымученно простонал: – Чё-ёрт!.. Да какого хрена, а?! Какого хрена всё это дерьмо выплеснулось на меня сейчас?!

– Ты напрасно так расстраиваешься. Всё вышло более чем удачно. В конце концов, считай, что теперь у тебя два отца!

– Я подозреваю, что теперь у меня ни одного, – зло процедил Рома и сжал в кулаках набалдашники дубовых подлокотников. – Сегодня утром отец выгнал меня из дома на вольные хлеба. И если бы не наследство, я бы остался на улице, – пояснил он.

Агния прогнулась в спине, выставляя вперёд роскошную грудь.

– Не говори глупостей, я бы всегда приютила тебя. В конце концов, я многим обязана твоей маме...

Рома бессмысленно кивнул этим её словам, как вдруг нахмурился.

– А когда ты сказала «два отца»... Ты что имела в виду?

– Только то, что Юра вернулся несколько лет назад.

– А Юра, как я понял, это тот самый...

Отчего-то продолжить Рома не осмелился. По правде говоря, так и не свыкся с той истинной, что стоит внести поправки в родословную.

– Помню, когда он только появился в городе, твой папаша вознамерился проесть Лие плешь, так зудел! Можно подумать, она звала его!

– Ты ведь сказала, что не знакома с ним, – Рома подловил Агнию на лжи, а та независимо потрянула головой.

– Я всего лишь имела в виду, что мы не были представлены друг другу. Тогда не были представлены! – добавила она со значением. – А вот всех достойных мужиков в нашей области, можешь мне поверить, знаю поимённо. Ты, кстати,ходишь в этот скромный список.

Рома почувствовал непривычную для себя волнительную дрожь. Отчего-то казалось, что подробности ему не понравятся, но всё же рискнул спросить:

– Я его знаю?

– Да его все знают! Юра Багдасаров, – чуть удивлённо моргнула Агния, и Рома зашёлся злым смехом.

– Ну, я так и понял: если прёт, то сразу по-крупному! И кто мы теперь?... Армяне?... – раздосадовано пожаловался он, как вдруг смех прекратился, а лицо пришлось спрятать в ладонях.

Багдасарова Рома знал. Да что там... не с его ли лёгкой руки он лишился стартового проекта?... Юрий Михайлович был одним из первых, к кому Рома обратился со своей идеей. Тот, к слову, долго не думал, смекнул выгоду и вкинул в бизнес щедрую долю. А когда дело выгорело и пришло время делить прибыль, добродетель спросил с него так, что Ромка едва остался при своих штанах. Хитрый договор фактически лишал его авторства, а невыгодный процент опустошил карманы. Багдасаров тогда по-акулы улыбнулся, лениво откинулся в кресле и проронил: «Я твой лучший бизнес-консультант. Первые три урока бесплатно. Ну, почти...» – посмеялся он над собственной шуткой. Год работы канул в Лету и вести бизнес отчего-то расхотелось. Мать тогда ещё была жива. Она лишь посмеялась над его неудачей и привычным жестом пригладила жёсткие волосы. И ведь ни словом не обмолвилась!..

Рома напряжённо сглотнул. Он тогда от души заехал Багдасарову в челюсть, тот в ответ махать кулаками не стал, панибратски потрепал его по плечу, по загривку, а после вышвырнул из кабинета.

– Ты совершенно напрасно расстраиваешься. Твоя наследственность вызывает лишь зависть. Горячая кровь, эта непоколебимая уверенность и умение делать деньги из воздуха. Разве не об этом мечтает подавляющее большинство мужчин?... Плюс, ты стал обладателем завораживающей южной красоты. Девчонки, небось, с ума сходят...

– Агния, вот это всё сейчас не в тему, – поморщился Рома, не желая признавать действительность, на что женщина вызывающе фыркнула.

– А вот приступы самокопания ты наверняка получил в процессе воспитания. Муж покойной Лии просто безбожно грешил этим, – Агния беспечно взмахнула рукой. – Ну, и раз уж всё это вскрылось, считай, что ты избавился от балласта. Боря, бесспорно, трудяга, но совершенно лишён таланта. Глядя на него, ты топтался на месте, а сейчас... сейчас перед тобой открыты все горизонты!

Рома растёр ладонью лицо и неожиданно напрягся, подался вперёд.

– Давай как-то меньше пафоса... И без тебя тошно.

Агния заинтересованно улыбнулась, встала с места, обошла стол и повисла у Ромы на плечах, чуть навалившись сзади.

– А даже если что-то и не складывается... тебе не тринадцать, метать гормоны поздно, да и делить ребёночка никто не собирается. Ты свободен. Ты не обременён ответственностью. Живи своей жизнью, а время всё расставит по местам.

– Плыть по течению не в моих принципах.

– Ну тогда докажи, чего ты стоишь, – искушая, шепнула Агния ему на ухо и будто нехотя отстранилась. – Но сперва следует хорошенечко выспаться, – рассмеялась она, когда Рома уже собирался уходить. – Неважно выглядишь, – пояснила на вопрос в глазах.

Рома вздохнул и взъерошил волосы, припал спиной к косяку дверного проёма.

– Ну да... в клубе намешали что-то в выпивку. Если бы не отец со своими признаниями, сейчас бы точно был в отключке. Ладно, спасибо, – сдавленно попрощался он и выдавил из себя извинительную улыбку.

Неторопливым шагом Ромка брёл вдоль музыкальной аллеи, что вела от дома Агнии напрямик в центр. Нет, он не пытался «найти себя», просто сам факт, что вдруг оказался никому не нужен... сам этот факт покорибил. Понятно, что отца скоро отпустит и вполне возможно, что они даже смогут общаться, но, чёрт!.. Он ведь отказался от сына! Как так?... А ещё внутри блуждало нехорошее предчувствие, что как только голова перестанет так нещадно тре-

щать, когда взиграет та самая горячая кровь, которую невольно упомянула Агния... Отчего-то кажется, что тогда уже сам Рома не захочет искать путь к примирению. Они с отцом были слишком разными. Просто какое-то время Ромка для родителя был вполне удобен... он не перетягивал внимание на себя и в принципе не отсвечивал. Теперь же мозолил глаза, и всякий раз вызывал обострение застарелой язвы. Общими могли бы стать воспоминания, но отцу они вдруг оказались не нужны, а если это так, то смысл Ромке делиться сокровенным? Смешно сказать, но с этим нелепым признанием будто оборвалась последняя ниточка их корявой связи.

Проходя мимо забегаловки с милым названием «Ваниль», Рома вспомнил о голоде. Живот призывно заурчал, а запахи, что разносились на всю округу, дурманили сознание. Не желая рисковать и проверять на прочность желудок, Рома вполне себе бодро прошагал ещё пару кварталов и завернул в давно знакомый «Бамбук». Там подавали неплохие сэндвичи и суперский омлет с беконом. А ещё был чай. Рома любил ароматный, насыщенно-чёрный, но здесь заваривали отличный «Улун» и, проходя мимо, он редко отказывал себе в удовольствии.

Сегодня судьба была к нему неблагосклонна и, не успев войти, Рома наткнулся на Багдасарова. Недалеко располагался его офис и не было ничего удивительного, но... чёрт возьми!.. Один вид его довольной физиономии заставил тело вздрогнуть, а глаза налиться кровью! Юрий Михайлович Рому тоже заметил и даже задержал взгляд. Наверно, было в Ромкиной внешности что-то такое, что навело Багдасарова на правильные мысли, и он довольно оскалился. Мужчина оказался в добром расположении духа и был настолько внимателен, что пожелал лично поприветствовать вновь пришедшего. А вот Рома растерялся. Который раз за одно утро, будь оно неладно!

– Какие люди, Роман Борисыч! – излишне восторженно воскликнул Багдасаров, и Рома невольно поморщился. – Никак меня ищешь... – развёл тот руками, заставляя парня посторо- ниться.

– Я искал хороший чай, а не компанию, господин Багдасаров.

– А что так официально?.. Имей в виду: Новак звонил мне с самого утра, поздравил с приобретением.

– С каким ещё приобретением?

– Да я толком не понял: то ли с приобретением сына, то ли с приобретением вечной головной боли. Боря оказался на удивление многословен и больше шипел от злости, чем говорил по сути. Только имей в виду: я в семью кого попало не тащу, – Багдасаров пожурил его пальчиком, будто сопляка.

– Я в твою семью и не просился, – ощерился Ромка и поторопился сбросить с плеча крепкую и непривычно тяжёлую ладонь Багдасарова.

– Но деньги, тем не менее, со счёта снял. Их ведь уже готовят к переводу, не так ли?

– Какие деньги?

– А что, много вариантов?

Багдасаров испытывал Рому взглядом, пока тот, наконец, не опомнился:

– Мамино наследство? – недоверчиво потянул он. – Ты хочешь сказать...

– Я хочу сказать, что если бы Новак знал, сколько Лия в реальности оставляет в магазинах на свои наряды, то лишился бы и последних волос. Твоя мать тратила деньги с космической скоростью. Впрочем, по-другому и быть не могло. Её счастливая улыбка стоила в разы дороже, а Лия раздаривала её совершенно бесплатно. И это было в высшей мере беспечно.

– Вы с ней общались?

– Ну не придумывай... Я стоял перед Лией на коленях, а она в ответ лишь надменно фыркала. Не женщина, а мечта!

Багдасаров наигранно вздохнул.

– А деньги?

– Должен же я был хоть как-то отблагодарить красивую женщину за подаренное внимание! Но я давал деньги ей – не тебе. История с наследством – не более чем нелепость. Деньги принадлежат мне, а я ими разбрасываться не привык. Ты наверняка хочешь бросить их в бизнес. Одобряю. Вот только я не делаю подарков, я делаю вложения. Как раскрутишься – вернёшь с процентами. Удачи пожелать?

– Да пошёл ты!

Рома отступил на шаг и напряг кулаки. Багдасарова это здорово повеселило.

– Вернёшь, Ром, можешь даже не сомневаться, – заверил он и как ни в чём не бывало вернулся за свой столик.

Стоит ли говорить, что желание чаёвничать у Ромы отпало?.. Зато появилось желание выпить. И даже не в знак слабости или какого-то упадка, нет... Это должно было стать бурным прощанием с беспашанной молодостью, с глупостью, с наивностью. Очень быстро он нашёл и подходящий бар, и даже весёлую компанию. Не находил Рома лишь понимания. А впрочем... ни в каком понимании он и не нуждался. Отменная порция здоровой злости прекрасно утолила жажду. А впереди его ждал путь. Непростой, витиеватый, запутанный. И Рома всерьёз готовился пройти его достойно и доказать своё право... доказать самому себе, что чего-то стоит.

Он налегал на «текилу», слизывал соль с призывно выставленной женской груди, громко смеялся былым неудачам. Рому несло, вело, бросало из крайности в крайность. Момент своей официальной самостоятельности он встретил с громким ликующим криком. Встретил и тут же покинул переполненный бар.

Рома вычеркнул из памяти всех лишних людей, былые иллюзии и на время отступился от обид. Тратить время на обиды и какую-то там месть ему было неинтересно. Сейчас хотелось открытий, свершений, поступков. Рома как раз мысленно строил будущий гениальный проект, когда бесцеремонный оклик нарушил его уединение. Залётный беспризорник спросил сигарету. Сейчас было бы как раз в тему объяснить мальцу, что курить вредно, но разговаривать не хотелось. Да и едва ли тот пожелает слушать. Маленький оборванец ведь не за советом обратился... В тот самый момент, когда Рома протянул ему пару сигарет про запас, ловкие пальчики щёлкнули браслетом золотых часов.

Наглый мальчишка, что так бесцеремонно спёр его часы – последний подарок матери, бессовестно вмешался в план великих побед и своим глупым поступком расчеркнул весь позитивный настрой. Внутри всколыхнулась злость, а расплескалась лишь пустая досада. Рома даже не собирался учить кого-то жизни, грозиться или того пуще выступать в роли карателя. Он хотел просто вернуть свою вещь.

Несложная схема позволила вычислить мелкого пакостника уже через несколько часов, ведь территория города была поделена на условные зоны влияния. Люди из охраны отца тряханули «беспризорную» крышу, дельца, ткнули в нос описанием воришки и получили на руки нужный адрес. Вот только часов при мальчишке не оказалось.

Рому дёрнули уже утром. Тяжёлое похмелье отзывалось во всём теле и буквально оккупировало голову. Больно было говорить, моргать, думать. Больно было даже принимать решения. И вот уже тогда взвилась банальная злость. На ситуацию в целом и на мальчишку в частности. И Рому понесло. Он не собирался ни угрожать, ни нагнетать, и, упаси боже, не искал справедливости. Сейчас волновал только результат и в ход пошли неприемлемые способы его достижения.

Внутри ничего не дрогнуло, когда начальник охраны с подозрительным удовольствием пнул мальчишку раз, другой. Голова трещала так, что Рома не слышал ни звуков глухих ударов, ни детских всхлипов. Зато он отчётливо расслышал неуместно требовательный приказ остановиться. И только сейчас заметил, что мальчишка был не один. Его сопровождала такая же бродяжка. Мелкая, тощая, вся какая-то несуразная, вот только взгляд буквально искрился

вызовом. В душе мелькнул скользкий интерес, но головная боль с лёгкостью затушила его, оставляя лишь глухую раздражительность.

На прямой вопрос бродяжка замялась. Вызов в её глазах потух, зато в полной мере проявилась растерянность. Такая, будто девчонка боролась с желанием высказаться. Это, казалось, взвилось ещё больше, и Рома приказал ударить мальчика снова. Просто назло этой заносчивой дряни! И девчонка, не раздумывая, бросилась на его защиту. Подобный поступок вызывал смешанные чувства. С одной стороны – бесспорное восхищение, с другой... «Храбрость – это глупость» – именно эта мысль пришла на ум. Но настолько ли эта девчонка глупа?..

Рома в очередной раз принялся рассматривать маленькую воительницу. Он даже попытался отбросить предвзятость. Своими выпадами девчонка боялась навредить, сделать ещё хуже, но чёртов темперамент не позволял смолчать. Она то злилась, сжимая костлявые кулаки, то растерянно хватала воздух ртом, глядя на Рому совершенно беспомощно и по-детски наивно. Забавная. Да, на более притязательный взгляд она показалась именно забавной. Насколько, что мысль о потерянных часах внезапно отошла на второй план.

Рома приказал запереть мальчишку, спровадил охрану и остался с ней наедине. Он делал упор на откровенный разговор, девчонка же продолжала упрямиться. Начальник охраны со своими нелепыми угрозами подоспел вовремя. В голове у Ромы зрел какой-нибудь отвратительный план как раз в тот момент, когда Володя захотел «поразвлечься». Только тогда Рома и опомнился, что перед ним стоит, по сути, ещё ребёнок, обычная девчонка! От пошлых интонаций охранника его покорило. Вдруг пришло осознание, что с подобным типом ему не по пути, а, значит, охрану следует рассчитать или отправить на довольствие отцу, ведь тот Володю нахваливал.

Теперь сама ситуация показалась несуразной. И о чём говорить с девчонкой Рома даже не представлял. А как опомнился, едва сдержался от улыбки: бродяжка его рассматривала. С увлечением и явным интересом. Пойманная на подглядывании она испугалась, растерялась, покраснела, но продолжала упрямо тянуть подбородок вверх. Так, будто готовилась к расстрелу, и никак не меньше. И вдруг между ними вклинился запах. Он был едва различимым, практически призрачным, но настолько знакомым, что Рома не смог удержаться и не втянуть его снова. Лёгкий и неуловимый, как бабочка, этот аромат затрепетал хрупкими крылышками, сбивая с общего настроения. И он исходил от девчонки. Да, изысканный аромат путался среди грубого и тяжёлого запаха подвала, улицы, осенней сырости, но продолжал цепляться за обонятельные рецепторы, призывая совершать необдуманные поступки.

На очередной вопрос девчонка снова ответила категоричным отказом, чем буквально спровоцировала, и совсем скоро в руках у Ромы оказался флакон с туалетной водой известного бренда. Явно забывая о своём вынужденном положении, бродяжка бросилась на него, и резкая пощёчина рассекла воздух. Рома тут же пожалел о своей порывистости, но не просить же у неё прощения, в самом деле! А самое отвратное было в том, что она опять врала. Неумело и совершенно несвоевременно! Ну не всё ли ему равно, откуда у неё эти духи?.. Но нет же, из принципа соврала! И тем самым буквально ввернула на место какой-то электрод, и вот Рома вспомнил о своих претензиях.

Он поставил условие: пацан в обмен на часы. И никаких тебе компромиссов. Бродяжка так ничего и не ответила. А Рома отчего-то был уверен, что она вернётся. Такие всегда доводят начатое до конца. Какие «такие», он не потруился себе объяснять. Просто эта мысль прочно засела в голове.

Оставшись один, Рома вдруг вспомнил о флаконе в своей руке. «Альбиция». Он помнил этот запах из детства. Того самого детства, когда дорогие заграничные курорты были их семье не по карману и, прогуливаясь по аллеям черноморского побережья, они с мамой погружались в волшебный, тончайший, изысканный аромат. А потом у мамы появились эти духи. С тех пор в родительской спальне всегда пахло летом, счастьем, удовольствием. После маминой смерти

отец сгрузил все её вещи в один фургон и отправил на свалку. Роме казалось, что отец страдает, сейчас же всё чаще закрадывалась мысль, что тот просто перевернул очередную страницу.

Тонкий аромат всё ещё витал в воздухе, когда Рома спрятал лицо в ладонях и глухо зарычал. Он был не готов отпустить её! Прошло чуть больше года, а он всё никак не пришёл в себя. А вот теперь ещё этот запах! И больно так, что всё внутри переворачивается.

Вместо жалкого порыва утопить горе в рюмке, Рома отправился в комнату и завалился спать как есть: в одежде и в обуви. Мама уверяла, что сон – лучшее лекарство. Сейчас представился отличный случай убедиться в этом лично.

Глава 4

Второе «утро» за одни сутки выдалось для Ромы вдвое отвратнее первого. Головная боль так и не отступила, но теперь к ней присоединилась тошнота интоксикации, ведь уже который день Рома не утруждал себя ни завтраками, ни обедами. Сомнительные закуски из бара тоже мало походили на полноценное питание. Пытаясь справиться с подавляющим желанием «подружиться» с унитазом, Рома всё же встал и с ходу осушил добрую половину графина с водой, который так любезно оставляла на прикроватной тумбочке домработница Софья. Милейшая женщина служила в их доме ещё при маме, но сейчас всё чаще порывалась уйти. Графин с водой означал одно: Роме предстоит очередная головомойка.

Тошнота отступила, головную боль удалось заглушить таблеткой растворимого аспирина, а контрастный душ придал бодрости телу и духу. Свежий и в меру жизнерадостный Рома спустился вниз и тут же нарвался на укоризненный взгляд.

– Софьюшка, роднулечка, золотце ты наше, – принялся он лебезить перед подбоченившейся женщиной, но домработница стояла горой и оставалась непреклонна.

– Это что же это делается, а?! – не обращая внимания на заискивающий взгляд, едва не взвизгнула та. – Ты, Роман Борисыч, случайно, того... головой не повредился? – женщина сурово сдвинула брови.

– Софья, клянусь, сегодня я проснулся другим человеком. Прости мне все прегрешения и вели миловать!

Ромка осмысленно приложил правую ладонь к груди, покаянно опустил голову и припал на одно колено.

– Сегодня мне позвонил Борис Львович. Он так кричал, так кричал... Он оскорблял тебя последними словами, он был в натуральном бешенстве. А ведь у папы большое сердце, ты же знаешь...

Рома жадно втянул в себя воздух и вскинул голову, вот только на лице больше не было ни проникновенного взгляда, ни раскаяния.

– Что ты натворил, я тебя спрашиваю?! – грозно взмахнув кухонным полотенцем, вскрикнула Софья и расплакалась. – Видела бы покойная Лиечка, что вы тут устроили...

Рома встал на ноги и прихватил тучную женщину за узкие плечики.

– Да всё нормуль, не бери близко к сердцу. И с отцом я больше не буду ссориться. Честно-честно, – будто учащийся младших классов заверил Ромка и стёр с пухлой розовой щеки слезинку.

Софья растерянно обмякла, а Рома воспользовался этим и скользнул к двери.

– Ну что ты будешь делать... – всплеснула она руками, на что Рома обворожительно улыбнулся:

– Я на пробежку, – предупредил он любые дурные мысли и послал женщине воздушный поцелуй.

Софья возмущённо вспыхнула и пригрозила ему кулаком, но Ромка знал: простила. Дурашливо толкнув плечом входную дверь, он будто оказался в другом измерении. От унылой серости осени не осталось и следа. Конец октября редко радует ясным небом и ярким солнцем, но, видно, новая жизнь должна начинаться именно с такого чистого дня. Рома рванул вперёд и успел навернуть по периметру участка три круга, прежде чем почувствовал на себе призывный взгляд. Володя, начальник охраны, неторопливым шагом приближался к нему. Рома потряхнул головой, сбрасывая с мокрого лба капельки пота, почувствовал как в сладостном томлении подтягиваются мышцы впалого живота. Это ж сколько он так зависал?.. Как давно был в качалке? А в бассейне?.. Про тренировки и подумать страшно: Никита Армеец в спарринге точно уложит его на лопатки.

– Роман Борисыч, что с пацаном делать? Софья явилась, вот-вот пойдёт кормить собак, – невнятно пробормотал Володя, заставляя Рому озадаченно хмуриться.

– С каким ещё пацаном? – выдал тот, пытаясь отдышаться.

И не успел Володя открыть рот, желая что-то пояснить, как Рому подбросило на месте.

– В смысле, с пацаном? – странно потянул он, вглядываясь в суровое лицо начальника охраны. – Он что, ещё здесь?!

– А куда же он денется?

Рома обтёр лицо ладонью и вытаращил глаза.

– Да твою ж мать! – взревел он. – Вы тут рехнулись все?! – ахнул, спешно направляясь к вольерам. – Ладно я с перепоя идиот, но ты-то, Володь... – Рома болезненно поморщился и сдавленно застонал.

Утренние воспоминания пробирались сквозь туман забытья весьма и весьма неспешно. Они, точно опасливые улитки, медленно выползали и не выдерживали никакой критики. Понятное дело, валить вину на охрану не было смысла! Но как он сам до такого допёр?..

Мальчишка сидел в дальнем углу клетки прямо на полу, обхватив грязными ладошками колени. Рома уверенно вошёл, потянул того за шиворот дряхлой куртки и хорошенечко встряхнул. Мальчишка хоть и поморщился, но в целом выглядел неплохо. Чрезмерную бледность Рома списал на боязнь собак, хотя откуда эта мысль возникла в его голове, даже не представлял.

Так и удерживая мальчишку за шиворот, он вышел из вольера, наградив Володю говорящим взглядом, и направился напрямик к дому. Уже войдя в просторную прихожую, он задумался, с чего стоит начать: отправить мальчишку отмываться или сначала следует всё же покормить. Примерно представляя, как начнёт причитать Софья, прежде всего Рома выбрал именно «помыться». Мелкими перебежками они пересекли холл и оказались в гостевой ванной комнате. Мальчишка не мешался, и это радовало. К тому же он абсолютно покорно принялся оттирать чумазое лицо и закаревшую грязь под ногтями. Рома бы тому ещё и шею намылил, но решил не вмешиваться в чужое беспризорное детство и ограничился общим фоном.

После ванной он отвёл мальчишку в столовую. Софья только бросила на хозяина робкий взгляд, но спорить не стала, приготовила кашу, пышный омлет и разбавляла общую напряжённую атмосферу незамысловатыми шутками.

Мальчишка сначала дичился, к еде тянулся неохотно, но как только понял, что «по-плохому» для него всё же закончилось, принялся торопливо наворачивать предложенные блюда. Когда на столе остался только чай и тарелка с бутербродами, он мученически вздохнул и через силу отвернулся в сторону.

– Софья, заверни бутерброды с собой, – догадался Рома.

Во время еды мальчишка совершенно непосредственно болтал ногами под столом и нервно озирался по сторонам. Он был ребёнком, а Рома с чего-то вдруг решил, что с него можно спрашивать «по-взрослому». От собственного свинства стало тошно, но кривиться или каяться в грехах Рома не спешил. А пока Софья отвлеклась на бутерброды, подсел к мальчугану за стол.

– Так, где мои часы? – усмехнулся он брошенному в свою сторону опасливому взгляду: это пацан, наконец, смекнул, что примерно так выглядит метод кнута и пряника.

Пряник пришёлся ему по душе, мальчишку «растасило», а отсутствие в допустимой близости Володи придало гонору и смелости. Маленький оборванец серьёзно посмотрел на Рому, после чего неодобрительно покачал головой и натужно вздохнул.

– Ох, и зануда же ты... – пояснил он свои действия. – Да если бы у меня были твои часы, я бы их ещё утром отдал! – в запале заверил он и покосился на притихшую Софью с контейнером в руках.

– А если у тебя нет, тогда у кого?

– Да ни у кого нет! Я как этих «в костюмах» увидел, так сразу понял: по мою душу. Я побежал, а часики сбросил.

– Где сбросил?

– Да что я, помню, что ли?... – произнёс мальчишка таким тоном, будто и сам не рад подобному повороту. – Да пусть даже и вспомню точное место, неужели ты считаешь, что они тебя дождутся? Вещица приметная, глаз радует.

– А украл зачем? Только про воровской азарт не заливай – отправишься обратно в клетку.

Мальчишка на мгновение побледнел, но быстро смекнул, что эти слова не более чем угроза, и расслабился. Ну и на всякий случай он бросил скорый взгляд на Софью, которая и не думала о деликатности, так и стояла истуканом над душой.

– Деньги нужны, – резонно заявил тот и Рома хмыкнул.

– Зачем?

– Есть, пить, на мороженое. Или ты считаешь, что всё это падает с неба? – не без зависти потянул мальчишка, вызывая у сердобольной Софьи приступ жалости. – А ещё Мирке сапоги новые.

– Кому-кому?

– Мирке, девчонке, что со мной была. Ты её кеды видел? – коротко пояснил пацан, умудряясь бросить вызов и упрёк одновременно.

В один момент мальчишка опомнился и завертелся на стуле, как юла.

– А где она? – испуганно выдал он и посмотрел так, что Роме всерьёз поплохело.

– Пошла часы искать, – противно улыбнулся тот и фливорно откинулся на спинку стула. – Есть, пить, сапоги... мне это всё, знаешь ли, тоже с неба не падает. А работать, как, не пробовал?

– Пробовал! – выверился мальчишка и махнул ногой под столом настолько сильно, что врезал Роме по колену. Не больно, но сам беспризорник сразу присмирел. – Не помогает, – со значением добавил он. – Как работать, так все тебе рады, а как расплатиться, так сопливый ещё, подрасти!

– Так нужно ведь заключать договор.

Мальчишка посмотрел на Рому как на недалёкого и хрюкнул от восторга:

– Ты ещё про подписи и печати мне сейчас заверни! На ладони сплюнули и хорош! Тоже мне... договор...

– Ну, допустим... а в детском доме тебе чего не сидится? Там работать не надо. Живи на всём готовом.

– А ты там был?! – вскинулся мальчишка, будто пахан после отсидки. – Вот то-то же! Бесплатно... Да там, чтоб ты знал, колония строгого режима, только для детей.

– А я слышал, что по достижении восемнадцати лет сиротам квартиру дают, нет?

– Мне не дадут, у меня родительская трёшка в центре. Только туда путь заказан – по месту прописки в первую очередь ищут. А как найдут, так мало не покажется.

– Ну, я прямо сейчас расплачусь, – язвительно потянул Рома, а мальчишка совсем повзрослому стиснул зубы.

– А ты поплачь! Глядишь, и человеком станешь, – совершенно кстати заметил он и Софья спохватилась, заохала и вдобавок к бутербродам достала из холодильника палку сырокопчёной колбасы. – Это всё? – подводя под диалогом своеобразную черту, мальчишка встал из-за стола.

Рома махнул рукой. Добавить к сказанному ему было нечего. Мальчишка обошёл стол стороной, приблизился к Софье и уверенно протянул руки к бутербродам.

– Этого не надо, – буркнул он, имея в виду контейнер, и прямо на месте распаковал его и растолкал завернутые в плёнку бутерброды по карманам.

Палку колбасы мальчишка спрятал в рукав и вдруг остановил взгляд на стоящей в стороне вазочке с конфетами. Софья распознала этот взгляд без слов и поторопилась высыпать содержимое вазочки в уже оттопыренный для этого карман.

– Это Мирке, – зачем-то пояснил беспризорник, – я сладкого не ем, – со значением добавил он и сорвался с места.

Рома нехотя поплёлся следом, чтобы дать охране отмашку и выпустить пацана из двора. Вернувшись в кухню, он бессовестно проигнорировал требовательный взгляд домработницы, которая, скорее, была членом семьи, нежели прислужгой.

– Ничего не говори, – предупредил он, внимательно вглядываясь в пейзаж за окном.

Спрятав ладони в карманы спортивных штанов, Рома несколько раз перекатился с пятки на носок и обратно, а после устало прикрыл глаза и торопливо выдохнул.

– Я хочу заехать на кладбище... как там мамины любимые хризантемы, уже цветут?

Софья слезливо всхлипнула.

– Давно цветут, Ромочка, неделю уже.

Рома отстранённо кивнул.

– Отлично. Подготовь букет. Я только переоденусь и сразу поеду.

На кладбище Рома пробыл не меньше получаса. Стоя возле надгробного камня, обычно он вёл с матерью мысленную беседу, сейчас отчего-то нужных слов не находилось. Возможно, виной тому была корзина роз. Небольшие светлые бутоны по кайме были окрашены в едва различимый розовый оттенок.

Мать любила цветы. Особенно незабудки, осенние хризантемы и ромашки на высокой ножке. Розы в доме появлялись достаточно часто, но к ним она была холодна и безразлична. Исключение составляли розы того самого оттенка, что сейчас увенчали одинокую могилку. Эти цветы приносил посыльный, и мама неизменно забирала их в комнату, чтобы украсить туалетный столик. Розы насыщенного тёмного цвета от отца обычно оставались в гостиной.

Прежде Рома и не задумывался над тем, кто их присылал: мало ли, сколько может быть поклонников у красивой женщины?.. Но цветы приходили шесть раз в год. И если сейчас поднапрячься, то наверняка выяснится, что это были какие-то определённые даты. На сегодняшний день в роли тайного воздыхателя виделся только Багдасаров. И чёрт знает, почему цветы... они ведь стоят здесь, на кладбище, уже не первый раз, но отчего-то именно сегодня буквально выбивают из колеи.

Рома натужно вздохнул и запрокинул голову к небу. Пришло время проститься с детством.

– Отчего же всё так коряво-то, а? – горько усмехнулся он и, наконец, опустил на холодный гранит ярко-жёлтые хризантемы, после чего ушёл, на ходу поправляя лацканы утеплённого пиджака.

Телефон пикинул, уведомляя о сообщении: «Ещё один пропуск и учебное заведение ты окончишь без диплома» – значилось в нём. Рома предпочёл оставить это без ответа. Впрочем, едва ли декан факультета ждал какой-то мгновенной реакции, да и вообще позволил себе подобное замечание исключительно из любви к юным дарованиям, к талантам. Рома себя к подобным не относил, но декан неустанно повторял, и пришлось как-то свыкнуться. Теперь вот авторитет работает на него...

Несмотря на чёткую установку определиться и, наконец, взяться за дело, в голове по-прежнему было пусто. Беспорядочные мысли рассыпались в прах, не успев толком сформироваться. На душе был полный раздраз, а в каждом жесте, в каждом движении читалась растерянность и явная неуверенность. Рома нервно чертыхнулся и сжал кулаки. Формальности с наследством придётся утрясти в другой раз.

Машина такси остановилась у ворот его дома, и водитель нетерпеливо прокашлялся, потирая задумчивого клиента. Пришлось нехотя выбираться и всё же начать действовать. Например, определиться с ужином. А что?.. вполне себе «взрослые» планы.

Но не успел Рома ступить на территорию особняка, как увидел устремившегося в его сторону начальника охраны. Тот показался предельно сосредоточен, и будто бы чем-то недоволен. Вероятно, подоспели очередные «приятные новости».

– Ну что ещё? – едва не простонал Рома, нервно заталкивая ладони в карманы джинсов.

Володя странно хмыкнул и указал кивком головы на мастерскую.

– Явилась та девчонка, – процедил начальник охраны, и Рому прошибло холодным потом: вот только девчонок ему сейчас и не хватало.

– Алина? – нахмурился он, вдруг припомнив претензии отца.

– Может, и Алина. Та бродяжка...

– Ах, эта девчонка... – вздохнул Рома, смутно припоминая недавние события. – И что она хочет? – нахмурился он и машинально сделал шаг в нужную сторону.

– Штука с характером. В подробности не вдавалась, уверяла, что вы договаривались.

– Ага, договаривались... – фыркнул Рома и пнул ботинком воздух. – Ещё бы вспомнить, о чём... Ты её не трогал? – вдруг нахмурился Новак, и Володя неприязненно поджал губы.

– Больно надо! – паршиво оскалился он, и Рома лишь утвердился в принятом утром решении: пора расставаться.

Он вошёл в мастерскую и огляделся. Девчонка жалась к той самой стене, у которой они толковали утром. Рома напрягся, пытаясь вспомнить подробности беседы, но мысль ускользала, не позволяя даже приблизиться к истине.

– Соскучилась? – подал он голос и тем самым задал тон предстоящего разговора.

Девчонка вздрогнула, обернулась и... Рома готов был поклясться, что этим своим взглядом она бросала вызов.

– Я пришла, чтобы забрать Ваньку, – осторожно выдала бродяжка, явно справляясь с порывом подтвердить свой вызов ещё и дерзким тоном.

Рома насмешливо вскинул брови и приблизился. Он сел на тот же стол, и девчонка, будто пытаясь отгородиться, вжалась в стену сильнее. Чисто из вредности он упёр ногу в штукатурку в нескольких сантиметрах от бродяжки. Ровно на уровне её поясницы. Та напряжённо слотнула и растеряла весь свой пыл.

– Взамен на часы, – совсем тихо пояснила она.

Рома улыбнулся: ну конечно! Часы... Как он мог забыть своё условие... Но сейчас его отчего-то заботило совсем другое. Например, её глаза. Бездонные. Девчонка поглядывала с опаской и сверкала ими, будто волчонок. В придачу к таким глазам цвета растопленного шоколада, обычно даются густо-чёрные волосы. И Рома не смог удержаться от желания сдёрнуть её бесформенную шапку и убедиться в этом. Вот только ожидания не оправдались: её волосы были светлыми, с переливом от песочного к натуральному блонду. Девчонка мелко задрожала, её взгляд растерянно заметался и Рома был вынужден признать, что переборщил. Он втолкнул в тонкие ладошки шапку, что так и сжимал в пальцах, и тоже попытался отдышаться.

– Часы, – напомнил он, разозлившись на себя за бесконтрольные желания, и отвернулся в сторону, позволяя бродяжке справиться с дрожью, и вспомнить, в каком кармане она спрятала сокровище.

Вот только спустя мгновение перед ним лежали не те часы. Бесспорно, дорогие, безусловно, брендовые... но не те. Рома стиснул зубы и вскинул требовательный взгляд.

– Что это? – задал он вопрос без тени шутки.

Наверно, что-то такое девчонка уловила в его лице, потому что не смогла скрыть желания попятиться, впрочем, как и не смогла его исполнить. Рома взял в руку золотой браслет и приценился, после чего с отвращением затолкнул часы обратно в её карман.

– Я ворованное не ношу, – с презрением процедил он и встал. Разговор был окончен.

– Они не ворованные! – вскинулась девчонка, напрочь забывая о своей робости, о зарождающемся страхе и опаске. – Они... они совершенно новые...

Рома набычился и прихватил бродяжку за растянутый ворот куртки.

– Где ты их взяла?

– Я принесла часы! – вместо ожидаемых оправданий возразила она. – И я хочу забрать Ваню, – продиктовала бродяжка условие. Правда, не так уверенно, как хотелось бы.

– Так, так... что это у нас тут? Вариации к роману «Принц и нищий»? – противно потянул он, и девчонка дёрнулась в его руках. Весьма своеобразно и неосмотрительно.

– Я что, похожа на принца? – оскалилась она, и Рома принял вызов. Принял и жёстко ответил.

Резко дёрнув девчонку на себя, он протиснул ладонь за пояс её джинсов и ощутимо надавил пальцами на промежность.

– На принца не очень! – зло прорычал он. – Если только на принцессу!

Бродяжка забилась в его руках и жалобно вскрикнула, чем тут же отрезвила. Рома сжал в кулаке ворот её куртки сильнее.

– Значит так, сейчас забираешь свои побрякушки, и чтобы я тебя больше здесь не видел! – пригрозил он и оттолкнул девчонку. Та сделала несколько шагов в сторону и всхлипнула, Рома бросил на неё раздражённый взгляд.

– Заберите часы, пожалуйста. Они не ворованные, честно. Заберите часы и верните мне Ваньку, – запричитала девчонка, явно сдерживая слёзы.

– Я выпроводил твоего щенка несколько часов назад и настоятельно рекомендую отправиться за ним следом, – теряя терпение, повторил Рома. Девчонка сжала кулаки.

– Я без него не уйду!

– Ты оглохла?

– Я без него не уйду! – вскрикнула девчонка и в запале даже топнула ногой.

– Вон пошла! – не веря собственным глазам, рыкнул Рома. Бродяжка стояла твёрдо.

– Я не знаю... не знаю, где ваши часы! Но я принесла другие! Они ничуть не хуже и они новые! Верните мне Ваньку, и мы уйдём... – девчонка подавилась глотком воздуха, и последнее едва не просипела.

– Послушай, милая, я успел сто раз пожалеть, что вообще связался с вами. Мальчишки здесь нет, да и ты подзадержалась. Надеюсь, где выход, помнишь?

– Значит, я тоже останусь! – упрямо не желая верить тому, что слышит, возразила девчонка.

– Ты издеваешься?

Бродяжка осторожно подошла к столу и положила на него дорогие часы. Рома гневно сощурил глаза.

– Ты не слышишь? Я сказал, что его здесь нет, – с металлом в голосе процедил он и, схватив бродяжку за плечо, несильно потряхнул её.

– Ну, пожалуйста, – заскулила она, цепляясь пальцами свободной руки за его запястье. – Ну, пожалуйста! – закричала, не находя отклика на свою просьбу, и забилась в его руках как шальная.

– Володя! – крикнул Рома, пытаясь отделаться от маленькой шельмы. – Володя! – рыкнул он, скрутив эту бестию.

Когда начальник охраны всё же прибыл, бродяжка рвалась из захвата и злобно рычала. Рома передал её тому в руки и смахнул ладонью проступивший пот.

– Бешеная! – пытаясь отдышаться, оправдался он. – Давай её за ворота, и чтобы больше не пускал, – делая внушение взглядом, приказал Рома и шумно выдохнул.

А девчонка меж тем продолжала брыкаться, извиваться, и бессвязно кричать, попутно осыпая их проклятиями.

– Я найду! Я найду ваши часы, я клянусь, я найду их! – как ненормальная завизжала она, выкрутилась из захвата и снова метнулась к Роме. – Я клянусь, что найду их, только отпустите Ваньку! – расплакалась девчонка, не решаясь подступить ближе, чем на шаг.

Она ревела и казалась в этот момент совершенно несчастной. Рома махнул Володе рукой, отпуская, и в нетерпении обтёр ладонью лоб. Только сейчас он заметил, что девчонка совершенно не в себе. Только сейчас обратил внимание, что у неё ледяные руки, насквозь мокрые ноги и джинсы по колено измазаны в какой-то жиже.

– Послушай, я отпустил твоего Ваньку несколько часов назад. Просто отпустил. Я погорячился, не спорю, я был не в себе. Но давай уже как-то успокаиваться и принимать решения на трезвую голову. Как тебя зовут?

На призывный вопрос бродяжка стихла и вскинула ненавистный взгляд.

– Что с твоими ногами? Ты где нашла такую лужу?

На очередную порцию вопросов девчонка стиснула зубы и вся заколотилась. Рома в нетерпении вздохнул.

– Хорошо... Какой у тебя размер? Тридцать пять, тридцать шесть? – повысил он тон, и Мира едва сдержалась, чтобы не взвыть в голос от досады.

– Стоп! – вдруг просиял Рома улыбкой. – Ты ведь Мира, так?

Девчонка замерла, вытаращила глаза и на всякий случай втянула голову в плечи.

– Ты Мира и ты любишь шоколадные конфеты, – продолжал Рома поражать её своими познаниями, как вдруг улыбка на его лице скисла, а с губ сорвался обречённый стон. – Да не смотри ты на меня так, эти сведения я получил не в результате пыток, ну! – не сдержался он и всё же прикрикнул. – Я отпустил твоего Ваньку. Накормил, напоил, угостил конфетами. В смысле, он взял их для тебя, – торопливо исправился Рома, и Мира неуверенно пошевелила губами, скорее всего, прикидывая вероятность подобных событий. – Так, какой у тебя размер ноги? Заболеешь ведь, ну?

– Тридцать шестой, – осторожно проронила Мира, внимательно прислушиваясь к внутреннему голосу, который на удивление не вопил от опасности, как несколько часов назад.

Она назвала размер, а Рома принялся сдёргивать чехлы со столов, в поисках чего-то неведомого. Он торопливо осматривал содержимое ящиков, коробок, пока, наконец, не обнаружил нужное. Это были ботинки из жёлтой лаковой кожи. Очень красивые, аккуратненькие, с позолотой на невысоких каблукках. Рома протянул их бродяжке, а та отчего-то вновь испугалась, отступилась и даже спрятала руки за спину.

– Мне не нужно, спасибо, – вежливо кивнула она, на что Рома скептически скривился.

– Вот уж кому точно не нужно, так это мне, – насмешливо бросил он и игриво подмигнул. – Бери. Я когда-то увлекался. Ручная работа. Таких ты больше нигде не найдёшь.

– Не нужно... – упрямо повторила Мира, и Рома сдвинул брови.

– Послушай, это не шутки, – строго предупредил он. – У тебя мокрые ноги, а ночью обещали заморозки. Я не хочу, чтобы из-за моей легкомысленности ты заболела.

– Хорошо, я возьму...

– Не просто возьмёшь, а при мне переобуёшься. Если вдруг они окажутся малы, я подыщу что-нибудь другое, – пояснил он причину своей настойчивости и подтолкнул ботиночки Мира прямо в руки.

Бродяжка медлила. Она бросила на Рому несколько скорых взглядов и отчего-то взволнованно задышала. Не сразу, но до него дошло, что это обычное девчоночье смущение.

– Тебе помочь? – уточнил Рома вместо того, чтобы тактично отвернуться.

Мира бросила на него ещё один, теперь уже гневный взгляд и демонстративно стащила с ног свои изношенные кеды, просто наступая на задники. С новой обувкой она обошлась

куда деликатнее, осторожно закрепила липучки и на всякий случай пошевелила пальцами. Ботиночки сели как влитые, а её судорожный вздох... мало ли к чему он относился... В любом случае, выяснять подробности Рома не стал.

Он даже лично проводил её до двери и вывел за ворота, уже в последний раз, едва ли не клятвенно заверив, что ничего плохого с её другом не случилось. Мира не верила. Отчаянно не верила всем его обещаниям, но всё же поддалась и переступила порог странного дома. И только когда сработал магнитный замок, Рома смог-таки выдохнуть с облегчением.

– Дурдом на выезде, вашу мать! – смешливо фыркнул он, поражаясь той ситуации, в которую умудрился вляпаться.

Вернувшись в мастерскую, Рома отправил на место все чехлы. С маминой смерти он не притронулся ни к одному инструменту. Не было ни вдохновения, ни желания, ни даже порыва. С четырнадцати лет он увлекался кожаным производством, а к шестнадцати осознал, что обувь – его страсть. Теперь страсти не было. Только точный расчёт, в который никак не вписывалось дизайнерское искусство.

На одном из столов Рома обнаружил злосчастные часы, про которые уже успел позабыть. Словно читая мысли, за плечом встал Володя. Рома протянул ему дорогой браслет.

– Вот, – продемонстрировал он часы и втолкнул их в ладонь начальника охраны. – Выясни, когда они покупались, и верни законному владельцу. Кажется, эта марка фиксирует имена обладателей подобных вещей.

– Сделаем, – коротко отпартовал тот.

Вернулся Володя минут через пятнадцать.

– Часы куплены сегодня, два часа назад. Владелец пожелал остаться неизвестным.

– Но кто это был, узнать-то ты можешь? По камерам! – нетерпеливо пояснил Рома.

На это начальник охраны достал из внутреннего кармана пиджака сложенный вдвое лист бумаги. Развернув его, Рома увидел изображение уже знакомой ему бродяжки с редким именем Мира.

– Вот тебе и принцесса, – пробормотал он.

– Так, что делать с часами?

– Оставь себе, заработал, – отмахнулся Рома и ушёл.

Глава 5

– П-с! – раздалось где-то невдалеке, и Мира принялась вертеть головой. – П-с! – повторился звук, и она заметила шевеление в высоких можжевельных зарослях.

Вечнозелёные пики раздались вширь и служили отличным прикрытием. Совсем скоро из них показалась веснушчатая физиономия, и Мира едва не расплакалась от облегчения.

– Ванька... – выдохнула она и тут же шагнула навстречу мальчишке.

Мира прижала его к себе крепко-крепко и слёзы из глаз всё же потекли. Ванька притих, виновато опустил голову и не спешил отвечать.

– Прости, это всё из-за меня... – наконец, проронил он, и Мира прижала к груди его голову, пригладила непослушные волосы.

– Не говори ничего. Всё закончилось, прошло, – торопливо шепча, заверила она. – И больше никогда не повторится, ты слышишь?

– Слышу, – недовольно буркнул Ванька и всё же рискнул обнять Миру в ответ.

Она взяла друга за руку и потянула за собой в сторону станции. Ванька плёлся, будто нехотя, и был на удивление задумчив.

– Я ждал тебя, ждал... – принялся он оправдываться. – Этот, – Ванька многозначительно кивнул в сторону богатого дома, – он сказал, что ты ушла за часами. Вернула, значит...

– Вернула, – процедила Мира и отчего-то отвела взгляд.

– Мирка, ты чего? – тут же среагировал Ванька на её неприязненный тон.

– Да ничего... – она передёрнула плечами и натужно вздохнула. – Часы я не нашла. Трубу опять прорвало, воды почти по колено.

– Но ты вернулась... – Ванька сжался в нехорошем предчувствии и Мира горько улыбнулась.

– Как видишь, – вздохнула она, но на этот раз не пригладила, а взъерошила его волосы, как делала, желая подбодрить.

Она старательно улыбнулась, но дрогнувшее дыхание не позволило отыграть роль до конца, и Мира сдалась, прикусила дрожащую губу.

– Ванька, послушай... мне придётся уйти, – выдавила она из себя признание, и мальчишка оттолкнул её руку.

– Ты не можешь уйти! – вскрикнул он.

Мира, пытаясь сдержать слёзы, прикрыла глаза, но ничего не вышло и горячую влагу всё равно пришлось смахивать с ресниц дрожащими пальцами.

– Я дала слово, понимаешь?..

– Ты обещала, что не бросишь меня! – сжал он кулачки.

– Обещала... Но сегодня всё изменилось, – Мира упрямо вскинула голову и больше не боялась посмотреть мальчишке в глаза. – Я и сама верила в то, что мне никогда не придётся вернуться в тот дом... но тебя могли убить!

– Но ведь не убили! Не убили, Мира! Вот он я! Здесь, с тобой...

Ванька метнулся к ней и принялся цепляться за ледяные ладошки. Мира не сбрасывала хват, но и сил ответить на мольбу во взгляде не хватило. Это было бы нечестно!

– Я что-нибудь придумаю, я обещаю тебе! – горячо заверила она, как только Ванька вскинул голову.

– Давай сбежим, – не обращая внимания на заверения, предложил он. – Сбежим, и тебя никто никогда не найдёт!

Мира откатала рукав изношенной куртки, чтобы продемонстрировать браслет. Не просто украшение. Ванька понял это сразу. И то, как браслет впивается в кожу, заметил, и то, как Мира поморщилась, снова натягивая рукав.

– Он убьёт меня, – напряжённо сглотнув, прошептала она.

Ванька совершенно по-детски скривился, но бессмысленным слезам предпочёл громкий возмущённый возглас:

– Зачем ты вообще пошла к нему?!

– Потому что не нашла часы, – потерянно пробормотала Мира, и Ванька зло рассмеялся. Дети так не смеются, а вот Ванька умел, и это было страшно.

– И что, он дал тебе часы?! – выдал мальчишка так, что заскрежетал зубами.

– Нет, деньги. Много. А я дала слово, что больше... – пытаюсь подобрать слова, Мира прогнала из горла противный ком. – Дала слово, что больше не заставлю волноваться! – твёрдо и уверенно заявила она. Настолько твёрдо и уверенно, что и сама практически поверила в это. – А, значит, я должна вернуться, – добавила она на порядок тише.

– Мира, а я? А что будет со мной?

– Я что-нибудь придумаю, – Мира запнулась, но собрала волю в кулак. – Обещаю, – улыбнулась она и привычно потянула руку к его волосам, но Ванька оттолкнул её ладошку, отвернулся.

– Ты предательница! – сверкнули его глаза, а у Миры болезненно сжалось сердце.

– Я просто не знала, что делать... Я растерялась...

– Да лучше бы я сдох в этом вольере, чем вот так!

Ванька стиснул зубы, чтобы не взвыть от обиды, но его запал совсем скоро иссяк и руки опустились.

– Прости, что подвела... – прошептала Мира, пока ещё не определившись, стоит ли приблизиться, но Ванька сам сделал разделяющий их шаг, обнял Миру обеими руками и жалобно вздохнул.

– Сам виноват! Но что теперь делать? Ты уйдёшь... а я?

– А ты отправишься в детский дом и не сделаешь ни шагу в сторону улицы.

– Нет! – эмоционально выкрикнул Ванька, но Мира неодобрительно покачала головой, погладила его по горячим от напряжения щекам. Приободряя, расправила пока ещё узкие мальчишеские плечи.

– Я знаю одно место... – начала было она, но Ванька вырвался из объятий и упрямо вскинул подбородок.

– Да пойми ты: нет никаких «таких мест»! Их просто нет! Везде одинаково плохо! Я видел, я знаю!

– Но только так мы сможем встречаться.

Ванька закусил губу, спешно взвешивая все «за» и «против».

– Ты обещаешь? – проронил он, хотя взгляд заметно метался.

Мира схватила воздух ртом, подалась к нему всем телом.

– Я очень на это надеюсь. Я сделаю всё возможное!

Ванька некрасиво ухмыльнулся и опустил голову.

– Не надо, не обещай ничего, – отмахнулся он. – Так я хотя бы не буду ждать...

– Ваня...

– Я сказал: ничего не нужно! – остановил он её порыв категоричным взмахом руки. – И давай уже, наконец, свалим отсюда. Аж тошно смотреть, как все эти!.. – Ванька запнулся, опуская нецензурную брань, – как они бесятся с жиру.

Мира бурно задыхалась, желая то ли оправдаться, то ли заверить в чём-то ещё, но так и не смогла выдавить из себя звука. Что она в принципе могла пообещать, если больше не была хозяйкой ни своего слова, ни своей жизни. Некоторое время она смотрела на Ванькину спину, а затем понуро поплелась следом. И вытерла слёзы так, чтобы он ничего не заметил, ничего не понял. Было обидно и страшно. Было до боли несправедливо, а в горле завис непроходимый ком.

Глава 6. Два с половиной года спустя.

– Мира, детка, как ты отнесёшься к тому, что я приглашу тебя на одно интересное мероприятие? – слащаво пропела мачеха, и Мира старательно улыбнулась.

– Большое спасибо.

– Ну... – обиженно потянула та. – Ты даже не поинтересуешься, куда мы пойдём?

– В газетах писали, что в эти выходные отмечается Международный день семьи.

– Мира, с тобой совершенно невозможно разговаривать! – мачеха выразительно округлила глаза, но не злилась, сегодня она была собой бесконечно довольна. – Ты разнесла всю мою интригу в пух и прах!

– Мне следует за это извиниться?

Мачеха стрельнула взглядом на супруга и расплылась в довольной улыбке.

– Не стоит. К тому же я совершенно не обиделась.

– Мира? – разнёсся по столовой суровый голос отца. Мира вздрогнула и подняла взгляд. – В чём дело? – мужчина сдвинул брови и ощутимо подался вперёд.

– Дорогой, у нас с Мирочкой маленькие девичьи тайны. Не обращай внимания, – улыбнулась мачеха настолько широко, что, казалось, в этот момент способна поглотить дом со всеми его обитателями. – Кстати, ещё немного кофе и новостей, и ты опоздаешь на работу, – заботливо пропела она, и отец вскинул руку с часами, оценил запас времени, после чего отключил смартфон и спешно встал из-за стола.

– Мира? – требовательно произнёс он, вынуждая дочь поперхнуться.

– Мне ко второму уроку, – просипела она севшим голосом и сдавленно откашлялась.

Отец намеревался что-то сказать, когда мачеха подхватила, погладила его по плечу, клюнула в щёку.

– Хорошего дня, дорогой, – совершенно невинно проронила она на выдохе.

Мира прикрыла губы салфеткой, чтобы не было видно, как они презрительно кривятся. Отец чуть скомкано улыбнулся и, наконец, направился к входной двери. Убедившись, что супруг отбыл в офис, мачеха с мечтательной улыбкой прошла по дому, пока не зацепилась взглядом за сидящую за столом девчонку.

– Ну и зачем ты провоцируешь отца? – она вопросительно вскинула брови и неторопливо приблизилась к Мире.

Мачеха села на уголок обеденного стола и чуть небрежным жестом поправила её волосы на макушке, придавая им большей пышности и воздушности.

– Дурочка... – по-доброму рассмеялась она и, опершись ладонями о стол позади себя, запрокинула голову к потолку. – Мы могли бы подружиться, но ты с завидным постоянством продолжаешь строить козни.

– И в мыслях не было. Я лишний раз даже не показываюсь на глаза. А насчёт «подружиться», так это ты зря. Я не жалую подруг.

– Мира, детка, ты не ценишь мою доброту...

– Доброту? – Мира хмыкнула и недоверчиво покачала головой. – Ты и слова-то такого не знаешь!

Мачеха растянула губы в притворной улыбке.

– Может, и не знаю, но между тем, именно я вчера ответила на звонок твоего классного руководителя. Ты, оказывается, отстаёшь по трём предметам сразу. На звонок ответила я и, как ты могла заметить, твоему отцу об этом ничего не сказала.

Мира оценила столь великодушный поступок и мстительно поджала губы.

– Чего ты хочешь? – процедила она. Мачеха довольно облизнулась.

– Я жду ребёнка. Уверена, это будет сын. Сегодня вечером состоится ужин в тёплом семейном кругу, и мы с папой сообщим тебе эту важную новость.

– Дай угадаю: моя задача обрадоваться, верно?

Мачеха игриво склонила голову набок.

– Меня всегда поражали твои умственные способности, Мирочка. Ты всё поняла правильно, – женщина подобралась и посмотрела на Миру совершенно серьёзно. – И впредь я бы тебя попросила вести себя как можно сдержаннее. Ты же знаешь, как тяжело даются отцу ваши ссоры...

– У папы больное сердце. Что, впрочем, не мешает ему трахать тебя так, что сотрясается весь второй этаж. И, разумеется, ты не хочешь, чтобы это сердце остановилось прежде, чем он отпишет тебе добрую половину имущества. Я ведь правильно поняла и после его смерти всё по-прежнему достаётся какому-то фонду?

Мачеха с отвращением оскалилась и смахнула с плеча Миры несуществующую пылинку.

– Ты очень злая девочка, Мира, – в итоге выдала она. – Я вот всё гадаю: в кого такая?

Ножки стула со скрипом скользнули по паркету и Мира встала.

– Спасибо за чудесный завтрак и содержательную беседу. Обещаю, что вечером я буду очень рада и не стану мешать вашему тихому семейному счастью, – заверила она и поторопилась сбежать.

– Куда ты собралась? – раздалось из-за спины, и Мира послушно обернулась.

– В школу.

Испытывая терпение девчонки, мачеха вальяжно устроилась в кресле и неторопливо обвела губы языком.

– Ты забыла рюкзак с учебниками, милая.

Мира чертыхнулась и вернулась в гостиную зону, чтобы схватить с дивана школьную сумку. Мачеха неотрывно наблюдала за ней, а потом и вовсе поймала за руку и больно сжала запястье.

– И прекращай прогуливать. Я не могу покрывать все твои косяки, – сделала она внушение.

– Отчего же? Ведь у тебя всё так здорово получается: «Давай, давай, ещё, ещё... бери меня жёстче!» – перекинула Мира голос мачехи, за что тут же получила звонкую пощёчину.

– Маленькая дрянь!

Мира упрямо улыбнулась.

– Ничего. Скоро я вырасту и стану большой дрянью. Такой, как ты! – выпалила она и выбежала из дома.

Мира глянула на время на экране мобильного и мысленно простонала. На электричку она опоздала, и первый урок всё же придётся пропустить. Но лучше уж так, чем ехать в одной машине с отцом. Он и прежде был нетерпим к чужим неудачам и слабостям, а с появлением Милены и вовсе слетел с катушек. Только она и умела им управлять. И вот этому, пожалуй, Мире стоило поучиться у стервы.

Милена появилась в их доме, ещё когда мама была жива. Сиделка. Она неизменно приходила в накрахмаленном халатике, в белом колпаке-таблетке и с ярко размазанными губами. Днём Милена ухаживала за умирающей, а ночью скакала на члене её мужа. Хорошо устроилась! Чтобы мама не слышала, как отец дерёт в своём кабинете эту с*ку, Мира включала любимую музыку громче и отвлекала маму разговорами. А когда мамы не стало, в доме появилась новая хозяйка. Уже на следующий день. Отца мало волновали пересуды и людская молва. А через месяц он представил обществу новую госпожу Газаеву. И если кто-то посторонний не имел права голоса, то дочь он должен был слышать обязательно. В тот день случился их первый серьёзный конфликт, первая крупная ссора. Ночь Мира провела в ванной, отмывая от крови лицо, саднённые руки и колени... потому что «услышать» её отец всё же не захотел.

С тех пор скандалы происходили в доме практически ежедневно. Не так сказала, не так посмотрела, вновь посмела озвучить своё мнение. До своего мнения Мира, оказывается, к тому моменту не доросла. Мол, пусть будет благодарна, что не отправили в детский дом или к родственникам в деревню. Выражение «детский дом» от отца она тогда тоже услышала впервые. Милена лишь погладила новоиспечённого мужа по плечу и обиженно надула губки. «Ты с ней недостаточно строг» – всякий раз приговаривала эта змея.

По щелчку пальцев в доме сменилась вся прислуга, Мира отправилась в закрытую спецшколу, и видеть её в выходные отец был будто бы не рад. За любую провинность следовало наказание, за плохую успеваемость – лишения, за дерзость Мира однажды расплатилась сломанной рукой и ушибленными рёбрами. Однажды... А потом метод кнута стал единственным средством борьбы с упрямщицей. Потому что уступать Мира не желала. Потому что прогибаться не хотела. И принимать новую маму... Собственно, совсем скоро этот повод стал лишь предлогом для начала «серьёзного разговора». Спецшкола сменилась домашним обучением, а воспитанием в дочери покорности отец занялся сам.

«Если ты не в состоянии жить по моим правилам, то можешь подыскать себе новый дом» – как-то бросил отец. Он смотрел на дочь насмешливо и ждал её решения. Мира встала и ушла, а в дверях её нагнал гневный окрик: «Иди, иди, погуляй, проветришься! А как вернёшься, помни: права голоса в этом доме у тебя больше нет!»

До поздней ночи Мира сидела под воротами особняка, наивно полагая, что отец хватится её, что всё осознает. Не хватился и не осознал... А утром вышел охранник и передал на словах очередной приказ. Ей следовало сделать выбор. Мира выбрала свободу. И этот выбор одобрило ласковое апрельское солнце, яркая трава, что уверенно пробивалась из-под остатков снега и даже редкие ручейки, которые будто указывали путь.

Мира чувствовала себя преданной. Вот только она не имела представления, что делать со своими чувствами, если узнать о них всё равно никто не захотел. Их пришлось проглотить. Как и обиду, как и боль, как и унижение, ведь она проиграла. Проиграла не в какой-то глупой ссоре... это решение стало самой настоящей битвой. А в результате Мира оказалась на улице, а та, другая, что заняла место её матери... теперь именно она распоряжается в их доме и она указывает отцу, на что следует посмотреть, а что можно смело вычеркнуть из жизни.

С Ванькой Миру свёл случай. Тот самый, который рано или поздно приходит ко всем, кто оказался на улице. И это была очередная битва. На этот раз за место под солнцем. Тихим домашним девочкам нет этого самого места в жестоком мире улиц, и своё право «быть» пришлось доказывать на кулаках. Разумеется, битва велась не на равных. Без сомнения, у Миры не было ни единого шанса выйти из этой битвы победителем. Она как раз размазывала по лицу кровь, что текла рекой из ушибленного носа. Чертыхалась и плакала. Вот тогда-то и появился Ванька. Дохлый, щуплый, весь какой-то чумазый, но настолько светлым казался его взгляд, что волей-неволей она улыбнулась мальчишке в ответ.

– Нечего здесь сидеть, идём за мной, – бодро скомандовал он и, помогая встать, протянул Мире грязную ладошку. – Куртку возьмишь мою, а то в своей кофте ты долго не протянешь, – с деловитым видом оглянулся он и тут же снял с сухих плеч выдавшую виды куртку, которая, однако, хранила тепло.

– А как же ты?

– Что-нибудь придумаю, – отмахнулся мальчишка и расправил плечи.

Мира тут же укуталась и застучала зубами, только сейчас осознавая, насколько сильно замёрзла и устала. Мальчишка привёл её в подвал на окраине, смело толкнул покосившуюся дверь и указал на пролёжанный матрас, устроенный прямо на полу.

– Спать будешь здесь. Где заработать, я покажу. Крысятничать даже не думай – попла-тишься зубами.

Мира смотрела на мальчишку во все глаза и не понимала, что всё это значит, а тот шмыгнул носом и посмотрел на неё в упор.

– Таких, как ты, здесь не жалуют, так что пока не отсвечивай.

– Таких, как я? – ужаснулась Мира, а мальчишка уверенно кивнул.

– У нас почти все приютские, а там нет мамы с папой, там несладко.

– У меня тоже нет мамы.

– Но ведь была! – резонно возразил мальчуган. – А у них нет. И в этом главное отличие. Держись меня и не пропадёшь, – подбодрил мальчишка и задорно улыбнулся.

Взрослели в этом месте быстро, законы жизни усваивали ещё быстрее. Кроме неё и нового знакомого Ваньки, в подвале жили ещё пятеро мальчишек не старше десяти. Они не были друг для друга семьёй и, скорее, являлись товарищами по несчастью. Здесь каждый был сам за себя, и только добычу было принято делить без утайки.

Почти все мальчишки оказались заядлыми курильщиками. Ванька пока баловался. На наивный вопрос Миры «почему?» он лишь невесело улыбнулся.

– А ты часто видела, чтобы кто-то дал кусок хлеба или, скажем там... сосисок? Нет? А стрелнуть сигаретку – нет проблем. Как покурил, жрать почти не хочется, можно смело дотянуть до вечера. Вот тебе и вся наука.

Несмотря на то, что Ванька был на четыре года младше, жизненного опыта у него накопилось куда больше, чем у Миры. И он этим опытом охотно делился. Каждый день и каждый час. И совсем скоро их нельзя было даже представить по отдельности. Единое целое. Ванька заботился о Мире, она его любила. Всё как в настоящей семье. А потом предала. Так бывает.

В последний раз она видела Ваньку почти три года назад. В тот день Мира отвела его к старой маминной знакомой, тёте Кате. Катерина Семёновна была заведующей детского дома, которому при жизни помогала мама. Она обещала позаботиться о Ваньке. Очень хотелось верить, что ей это удалось. Сама же Мира, вернувшись домой, оказалась в золотой клетке. В очень тесной и тёмной золотой клетке. Теперь методы воспитания отца стали жёстче, проступков ей не прощали. А впрочем, вспоминать об этом в очередной раз совершенно не хотелось.

Мира устремила взгляд вперёд и стиснула челюсти. Беременная Милена станет для неё тем ещё испытанием. Стоило запастись терпением, а в идеале так и вовсе напроситься в какой-нибудь заграничный пансионат для девочек. Странно, что мачеха сама до этого не додумалась. Мира догадывалась, что всему виной тот её побег три года назад. Конечно, отец не рассчитывал потерять дочь на долгие полгода. А когда его люди нашли беглянку в городе, выиграла гордость: «Раз на помойке ей лучше, чем с родным отцом...» Но его сердце всё равно оставалось не на месте. Сердце разрывалось от чёрной несправедливости неблагодарной дочери. Вот как она отплатила ему за заботу и внимание. Так рассчиталась за годы тепла и уюта. А уж когда Мира вернулась с покаянной головой... Тогда и наступило торжество справедливости.

Отец не спрашивал, зачем ей понадобились деньги. Он не интересовался, во что она вляпалась, и чем ей грозит неповиновение. Лишь небрежно швырнул на стол пачку купюр. «Вот. И это будет моя последняя уступка» – победно ухмыльнулся он и надел на руку Миры браслет с отслеживающим устройством. Как страховка на случай, если та вдруг вздумает дурить.

Сейчас необходимости в этом браслете не было. Мира хорошо усвоила, что ей будет даже за помыслы о подобной выходке, как побег. По крайней мере, отец был очень убедителен. Да и с тех пор Мира не оставалась без присмотра ни на один день. Всё же почему-то отец ей дорожил, и это вселяло надежду.

За пропущенный урок Миру отчитывали долго и нудно. Она даже устала кивать, соглашаясь со всевозможными обвинениями и неминуемыми последствиями. Правда, при упоминании директора и отца, её рёбра заныли, а на лице проступила такая скорбь, что противная математичка сжалась и с привычным предупреждением вроде: «ещё раз и...», отпустила нерадивую ученицу на все четыре стороны.

– Ну как там? – без особых эмоций и должного сочувствия в голосе поинтересовалась колючка, с которой Мира вроде как дружила.

Папа Оли Свердлик был прокурором. Вероятно, именно от него она получила в наследство въедливый характер и умение шутить плоско и совсем не смешно. С людьми Оля сходилась тяжело и до появления в их классе Миры, была причислена к психам-одиночкам. Теперь же, перекидываясь с новой подружкой парой ничего незначащих фраз, она медленно, но верно реабилитировалась.

Среагировав на вопрос, Мира задержалась возле Оли и грузно опустила свой рюкзак на подоконник. Свердлик подтянула колени к груди, что означало, будто место возле неё свободно и можно устроиться со всеми удобствами, но Мира воздержалась, скрестила руки и вопросительно посмотрела на «подругу».

– Слышала про День семьи? – всё так же сухо поинтересовалась Свердлик, и Мира безразлично передёрнула плечами. – Если не ошибаюсь, твои предки тоже идут.

– Был такой разговор.

– А ты в курсе, что это ни больше, ни меньше, а наш скромный ответ столице. Там теперь снова проводят балы дебютанток. Мы здесь, конечно, танцевать полонез и мериться стоимостью платьев не будем, но нужным людям нас всё же представят.

Мира фыркнула:

– Смотрины, что ли?

– Именно! Ты сейчас в класс не заходи. Эти тупые курицы как раз обсуждают самых завидных женихов. Можно подумать, нормальному мужику будет в радость выслушивать их нелепые рассуждения о «взрослой» жизни.

– Ну почему же... Я слышала, что у Кузнецовой любовник в возрасте.

Свердлик закатила глаза.

– Я тебя умоляю... любовник... Пашка Звонцов. Выпустился из нашей же школы года два назад. Просто ездит на отцовской тачке за тонированными стёклами, вот все и думают, что она папика подцепила. У меня окна выходят на его подъезд, сто раз их вместе видела.

– Не знаю... А насчёт «Татлер» местного разлива... может, прикинуть больной... пока не решила.

– Меня мать уже предупредила, что этот фокус не прокатит, – скривилась Свердлик. – Сегодня едем выбирать платье. А у тебя как?

– Про платье точно ничего не слышно. Да я и не думаю, что отец торопится от меня избавиться.

Оля посмотрела на Миру со значением.

– Ты откуда приехала? Из Осетии?

– С чего ты взяла?

– Слышала от отца, – небрежно отмахнулась Свердлик, а Мира вся подобралась. – Хотя ты совершенно не похожа на осетинку. Разве что глазами... – Мира невольно коснулась пальцами белокурого хвоста волос. – Глаза у тебя чёрные, точно у цыганки, – улыбнулась Свердлик, явно подводя Миру к какому-то условному порогу. – Я к чему это всё... – Оля независимо тряхнула волосами и подалась к Мире ближе. – Тебе не стоит ехать на праздник.

– Почему это?

– Не стоит и всё! – твёрдо и в крайней степени упрямо заявила Свердлик. – Отец нечасто принимает в доме гостей, но вчера к нему пришёл один человек. Разговор был недолгий, да и слышно плохо, но...

Свердлик резко замолчала, покосившись на проходящих мимо ребят, и неожиданно спрыгнула с подоконника, вынуждая Миру отступить.

– В общем, я настоятельно рекомендую тебе всё же заболеть в этот день, – многозначительно кивнула она и направилась в класс.

Мира посмотрела ей вслед и зло выдохнула:

– Чокнутая!

Войдя в кабинет литературы, она бросила на Свердлик несколько острых взглядов, но заговорить и не подумала, а вот та вполне доходчиво кивнула, мол, я тебя предупредила и всё такое.

Семейного ужина с «приятным» сюрпризом не вышло. Отец вернулся поздно, и о своей беременности Милена сообщила ему не в торжественной обстановке с белым вином, устрицами и забавным тортом в виде детской пустышки, а буквально на бегу. Вероятно, он, как и Мира, обрадовался недостаточно сильно, а привычно отмахнулся, за что был удостоен гневной тирады и демонстративного хлопанья дверью общей спальни. Впрочем, ссора была непродолжительной и уже ночью будущие молодые родители принялись активно мириться. Мира прижала к ушам подушки, да так и уснула, тайно радуясь тому, что отцу в этот раз было не до неё.

Субботний вечер наступил непозволительно быстро. С утра Миру ждало небольшое приключение в виде личного стилиста, позже изнурительные наставления Милены. Ближе к обеду привезли платье. Оно было миленькое и не более того. Пыльно-розовое, воздушное, слегка легкомысленное. Мнение Миры в выборе платья не учитывалось, чему она отчасти была рада. Всё же в нарядах она разбиралась ещё хуже, чем, по мнению учителя, в математике. К платью прилагались туфельки на аккуратном каблучке. Мира со вздохом сожаления посмотрела в сторону своих удобных кроссовок, но на протест не решилась, по крайней мере, не по этому поводу. В конце концов, всего один вечер... можно и потерпеть.

Отец явился перед самым выездом. Он быстро принял душ, сменил обычный деловой костюм на торжественный чёрный смокинг и с видом невероятной усталости погрузился на переднее сидение до блеска вычищенного автомобиля. Во время пути Милена буквально фонтанировала какими-то несуразными идеями, в суть которых Мира так и не смогла вникнуть, как ни пыталась. Отец тоже большую часть сказанного пропускал мимо ушей, но в нужных моментах одобрительно кивал.

На подъезде к залу торжеств Милена, наконец, заткнулась, а отец с облегчением выдохнул. Всё же терпеть её болтовню под силу не каждому. В такие моменты Мира понимала, почему он предпочитает разговорам секс: это был тот самый вариант, при котором его дражайшая супруга выдавала лишь хриплые стоны и невнятные подначивания, а значит, вникать в смысл произнесённых ею слов не приходилось.

– Дорогой, я себя неважно чувствую, надеюсь, ты не против, если сразу после торжественной части мы вернёмся домой? – невинно поинтересовалась она, на что отец не ответил ни категоричным отказом, ни согласием, он только задумчиво поджал губы и нахмурил брови.

– Посмотрим, – выдал в итоге и требовательно глянул на Миру, а ведь она искренне надеялась, что про неё забудут и можно будет скромно отсидеться в стороне.

– Мирочка выглядит сегодня просто превосходно. От женихов не будет отбоя, – хихикнула Милена.

Отец промолчал, и Мира невольно задумалась над словами Оли Свердлик. Вероятность быть сосватанной её не прельщала.

– Ни с кем не знакомься, шампанским не увлекайся и будь в зоне видимости, – буркнул отец, когда распорядитель праздника, осуществляющий приём гостей, остался позади.

– Не волнуйся, папа, Милена провела со мной очень подробную беседу. Никаких нестандартных ситуаций не будет, я тебе обещаю.

Отец ласково улыбнулся супруге, которая позаботилась даже о таких мелочах, а Мира была удостоена пристального холодного взгляда мачехи: той очень нравилось, когда девчонка вела себя так. Покорно и безропотно. В её бестолковой голове никак не укладывалась мысль, что перед бурей тоже бывает затишье. А всего через мгновение все они оказались в окружении яркого света, приятной живой музыки и несмолкаемого людского гомона.

Глава 7

Отец с Миленой очень быстро влились в круг общих знакомых, а Мира оказалась представлена самой себе. Выпивка и закуски интересовали в последнюю очередь, потому она обогнула фуршетные столы по периметру, пересекла зал и оказалась на балконе. Сейчас ей следовало затеряться. В полном одиночестве, в окружении приятной вечерней прохлады и полутьмы, Мира выдохнула с облегчением и осторожно повела плечами, пытаясь сбросить скопившееся в них напряжение.

С этой точки было очень удобно наблюдать за происходящим в зале и при этом оставаться в зоне недосягаемости. Уже давно Мира не видела такого количества людей сразу и, пожалуй, никогда не видела столь ослепительного обмана. Оля Свердлик со своими родителями появилась практически сразу за семьёй Миры. Одноклассница не была похожа сама на себя и вполне успешно влилась в атмосферу показательного удовольствия, роскоши, веселья. Оля открыто улыбалась, кивала знакомым и с лёгкостью выдавала вполне пристойные приветствия. Мира вдруг заинтересовалась моментом, когда же Свердлик притворяется: каждый день в школе или вот сейчас? Сказать к слову, вечернее платье ей очень шло, макияж и причёска были безупречными, а бриллианты на шее сверкали ничуть не хуже очаровательных глазок.

Свердлик вскоре также отделилась от родителей, но в отличие от Миры, без компании не осталась. Её сопровождал высокий молодой человек, и по его лицу было видно, что парень готов потакать любым, даже самым неуместным капризам взбалмошной особы. Совсем скоро в руке Оли появился бокал вина, а практически сразу за первым, появился и второй. Свердлик вызывающе смеялась, игриво закатывала глаза и весьма откровенно жалась к своему кавалеру.

– Подглядываешь? – неожиданно раздалось за спиной, и Мира едва не подпрыгнула от испуга.

Позади оказался молодой мужчина с бокалом шампанского. На нём, как и на отце, был смокинг, вот только строгая бабочка нелепо свисала с ворота сорочки, совсем как у жениха после праздничной вечеринки в фильмах. В первый момент Мира растерялась и прищурилась, давая глазам время привыкнуть к темноте, а потом едва сдержала удивлённый возглас, ведь перед ней стоял старый знакомый.

Она узнала его практически сразу. По лёгкой улыбке, по насмешливому взгляду и удивительной манере чувствовать себя хозяином положения при любых обстоятельствах. Он услужливо склонил голову набок и располагающе улыбнулся.

– Шампанского?

Мира опомнилась только спустя несколько секунд и торопливо моргнула, сбрасывая с себя наваждение его обаяния. Она вскинула подбородок, расправила плечи и попыталась смеяться наглеца взглядом. Тот только облизнулся, наблюдая такие метаморфозы.

– К тебе или ко мне? – шепнул он, подаваясь непозволительно близко.

Шею обдало жаром мужского дыхания, и Мира опасно дёрнулась, заставляя своего спутника улыбнуться максимально широко.

– Рехнулась?! – выдохнула она и, в поиске спасения от дурной компании, оглянулась по сторонам.

Он отсалютовал ей шампанским:

– За очаровательную пугливую мышку! – обозначил мужчина свой тост и, забавляясь, коснулся чашей бокала самого кончика её носа.

Пригубив буквально глоток, он поморщился и прихватил девушку под локоток:

– Поехали, – выдохнул и потянул её в сторону.

Мира осторожно вывернула руку из захвата и отступила.

– Эй, полегче! – она предупредительно моргнула, но мужчину эти её взгляды только позабавили. – Здесь, чтоб ты знал, отмечают День семьи. И все дамы либо замужние...

– Либо... – нетерпеливо прошептал он, подавшись к Мире непозволительно близко.

– Либо несовершеннолетние! – вызывающе фыркнула она и победно ухмыльнулась.

Впрочем, до победы было далеко. Всего на мгновение недоумённо нахмурившись, испугаться её собеседник так и не успел. В его взгляде мелькнула то ли догадка, то ли какое-то понимание и он снова располагающе улыбнулся. Так, будто включил перезагрузку. После сделал глоток шампанского, покатав его по языку, наслаждаясь тем, как мелкие пузырьки лопаются, придавая обычному винному вкусу какой-то изысканности, и решительно шагнул вперёд.

Когда широкая ладонь по-хозяйски легла на талию, Мира откровенно растерялась. Когда мужчина повёл носом в миллиметре от её шеи, демонстративно втягивая в себя аромат духов, замерла в приступе паники, а уж в момент, когда горячие губы оставили след поцелуя на линии нижней челюсти, и вовсе забыла, как дышать. Это внимание оказалось для Миры за пределами откровенным. Такая ласка не была изысканной пыткой, как писалось в любовных романах. Подобные намёки, скорее, продемонстрировали уровень её доступности. Показательно низкий уровень!

– Только не говори, что до сих пор злишься на меня, – заученно и оттого предельно уверенно произнёс он фразу, которая, вероятно, работала безотказно, и на лице заиграла вызывающая улыбка.

Хлёсткой пощёчине парень, кажется, удивился. А вот сама Мира успела испугаться. В своих собственных глазах она не выглядела ни смелой, ни дерзкой. Скорее, самонадеянной. А вот мужчина вдруг рассмеялся. Он вовсе на неё не злился, нет. Ему происходящее казалось забавным. На короткое мгновение парень нахмурился, пытаясь сориентироваться, а очередной глоток шампанского отдавал неприятной кислинкой – напиток успел согреться.

– Что ты там сказала?.. Несовершеннолетняя? – припомнил он фразу, произнесённую Мирой с такой твёрдостью, и к кислинке во рту прибавилась размытая горечь. – Но я уверен, что мы с тобой уже встречались... – вполне себе настойчиво проговорил он, старательно шурясь и пытаясь припомнить ощущения при встрече. – Или нет?.. – прозвучало уже не так ярко и эмоционально.

А Впрочем, он довольно быстро справился с растерянностью, задорно подмигнул и протянул ладонь для рукопожатия:

– Роман. Но для тебя, прелестное создание, можно просто Рома.

Не зная, как отвязаться, несколько секунд Мира недоумённо гипнотизировала протянутую руку и только потом решилась на ответный жест. Его ладонь оказалась тёплой и гладкой, но интуиция вопила о том, что подобное легкомыслие ещё выльется боком. Так и случилось. Мира осторожно улыбнулась и потянула ладонь на себя, как вдруг ненавязчивый, на первый взгляд, захват стал жёстче и требовательнее.

– Как невежливо, – Рома неодобрительно покивал. – Не скажешь, как тебя зовут? – он склонил голову набок и весьма откровенно провёл языком по острию верхних зубов. – И мы, наконец, покончим с этими формальностями, познакомимся поближе.

– Поближе не получится, я ещё не достигла возраста согласия.

Рома вызывающе рассмеялся, пытаясь подтянуть Миру к себе. Она сжала губы плотнее и не пожелала поддаться.

– И всё-таки мы с тобой уже встречались. Может, напомним где?

Мира дёрнула руку на себя и тут же спрятала её за спину, настойчиво стирая с кончиков пальцев чужое прикосновение.

– Отчего же не напомним?.. При первой встрече ты собирался скормить меня собакам, – отчеканила она и в этот раз ощутила собственную победу физически.

Уловив нотки растерянности на мужском лице, Мира почувствовала, как приятное тепло растекается по груди, заставляя кожу пылать. Она едва уловимо улыбнулась и чуть вздёрнула носик, демонстрируя полную независимость.

Сказать к слову, с собственной растерянностью Рома справился быстро, и практически сразу на лице расплылась довольная ухмылка: он вот-вот вспомнит момент, о котором говорила эта чудачка.

– Мира... – пробормотал он так, будто всё ещё не верит своим глазам, но прошло всего мгновение и вот из его взгляда посыпались искры удовольствия.

Рома отступил на шаг и осмотрел её снова. На этот раз с непозволительной наглостью, не упуская, казалось, ни единой детали.

– Надо же... А ты стала настоящей красавицей, – одобрительно покивал он, обрадовавшись ей, точно старой знакомой. – Вот только платье у тебя дурацкое... Слишком откровенное, – заметил уже без улыбки. – Оно тебе совершенно не идёт, не надевай больше такое.

Рома выразительно скривился, бросив взгляд на грудь и плечи. У Миры появилось стойкое желание прикрыться, но она сдержалась и при этом весьма невинно коснулась кончиками пальцев шеи.

– Мачеха выбирала.

– А вот характер у тебя остался прежним, – вконец развеселился Рома и облизнулся в предвкушении. – Какие планы на вечер?

– В планах не отсвечивать, и ты мне в этом здорово мешаешь.

– Приношу свои извинения за чрезмерную настойчивость. Как ты верно заметила: с женщинами «в поиске» здесь туго, а у меня, знаешь ли, неплохая память на лица. Вот увидел тебя и решил, что из моих бывших.

– А у тебя, значит, в правилах заводить знакомства, после которых в памяти остаётся только лицо?

– Ну почему же только лицо?.. Я помню ещё кое-что. Например, пристрастия в сексе. Но эти воспоминания приходят чуть позже. В менее официальной обстановке и, в идеале, без свидетелей.

Мира смутилась, но даже не пыталась скрыть эту неловкость, демонстративно прокашлялась.

– Ах, да, ты же ещё не достигла возраста согласия, тебе такое знать не положено, – вернул он должок за недавнюю растерянность, но желание Миры сбежать разгадал вовремя и порывистым движением преградил путь.

Она врезалась в мужское плечо и взволнованно ахнула. Теперь прикосновения не казались столь безобидными, а взгляды становились до неприятного обжигающими.

– Ну всё, забыли, – строго предупредил Рома очередную попытку прорваться. – Признаю: вышло глупо. Честно, не ожидал тебя увидеть. А если ещё честнее, то до сих пор не верю своим глазам. Ты как здесь вообще? С кем пришла?

– Перестань, мы не старые друзья, чтобы вот так беседовать, – отчего-то разозлилась Мира и эмоционально взмахнула рукой.

– С мачехой! – припомнил Рома, не обращая внимания на попытку отмазаться от знакомства. – И, стало быть, с отцом?..

Парень смотрел испытующе, а Мира едва не взвыла от досады.

– Ты дашь мне пройти? – холодно процедила она, всем своим видом демонстрируя отсутствующий интерес.

– Нет! – выбросив руку вперёд и уперев её в косяк дверного проёма, Рома загородил проход. – Потанцуем? – загадочно улыбнулся он, и Мира посмотрела через своё плечо на шикарно украшенный зал и яркую толпу присутствующих.

– Не хочу туда возвращаться... – прошептала она с видимым сожалением.

– А мы будем танцевать здесь, – Рома наклонился, чтобы уловить её взгляд. – Вдвоём, – пообещал, улавливая такое скользкое сомнение. – И никто не узнает, – шёпотом заверил он, значительно подавшись вперёд.

Мира вздрогнула, обнаружив его лицо совсем близко от своего. Настолько близко, что тяжёлое мужское дыхание опускалось на кожу, а губы едва не касались губ. Она потрянула головой, намереваясь отказаться, но широкая ладонь уже устроилась на её талии, а вторая осторожно подхватила похолодевшие пальчики, и Рома повёл. Плавно и неторопливо. Точно под музыку, которая отдавалась здесь едва слышным эхо.

Рома кружил её, ловко маневрируя между высокими цветочными вазонами. Он был выше Миры на голову и сейчас бессовестно пользовался этим, внимательно разглядывая тонкие черты лица, подрагивающие губы, высокую грудь. А ещё прижимался всё теснее, так, что ей едва удавалось дышать. Да и от настойчивого взгляда приходилось отворачиваться, будто в попытке спрятать эмоции, мысли, задумки.

– Расслабься, – шепнул он Мира на ухо, и она вздрогнула от неожиданности, ведь была полностью поглощена танцем. – Ты нервничаешь и оттого злишься, – Рома широко улыбнулся и провёл пальцем по её ладони. Мира тут же попыталась выдернуть руку, но куда там...

– Отпусти!

– Что это? Волнение? – не обращая внимания на просьбу, продолжил он и, подавшись вперёд, носом провёл линию от её подбородка к уху. Мира мелко задрожала.

– Да прекрати же ты! – прорычала она, беспомощно дёрнувшись в его руках. Рома фыркнул.

– Вот ещё! Не хочу, чтобы ты уходила. Хочу, чтобы была здесь, со мной, – торопливо забормотал он. Ладонь, что слегка придерживала её талию, поползла выше и уверенно надела между лопаток.

– Не прижимайся! – ахнула Мира, почувствовав себя в ловушке, и подняла взгляд. Вот только Рома больше не улыбался, он внимательно всматривался в её глаза и напряжённо поджимал губы.

– Ненавижу все эти условности, – несмотря на явно сосредоточенное лицо, легко отмахнулся он и надёжно сцепил их пальцы в замок. – Тошно. А рядом с тобой хорошо. Потому что ты другая, настоящая, – холодно усмехнулся он.

Мира грозно посмотрела на мужчину.

– Замолчи, – строго приказала она, заставляя хмельно рассмеяться в ответ.

– А ещё чертовски сильно хочется тебя поцеловать, – на выдохе признался Рома и с лёгкостью противостоял её короткому, но достаточно мощному рывку. – Просто так, – игриво зашептал он. – Чтобы смутилась. Всего на мгновение. Потому что это тоже «настоящее», которого уже не встретишь за пределами этих дверей.

Мира снова вскинула взгляд и поняла, что его глаза смеются. А она попалась. Так глупо! Внутри вспыхнул огонёк ярости, и оттолкнуть наглеца всё же удалось. Или он просто отпустил. Получив свободу, Мира неожиданно растерялась и посмотрела на Рому со смесью какой-то обиды и странного волнения.

– Не смешно! – выдохнула она, пытаясь вернуть голове ясность, а сердцу спокойствие.

– А я и не смеялся, моя маленькая принцесса. Ведь ты всё-таки оказалась принцессой! – пояснил Рома, когда Мира непонимающе нахмурилась.

– Главное, что не принцем!

– Ну, с этим вопросом, помнится, мы разобрались ещё в прошлый раз.

Мира густо покраснела, понимая, что именно Рома имеет в виду под словом «разобрались». И как он вздумал засунуть руку в её штаны, тоже помнила.

– А вот за это ты мог бы и извиниться.

– Извиняется тот, кто сожалеет. А лично мне понравилось! – бросил он с вызовом, но отвечать на этот вызов Мира не собиралась. Она лишь предельно вежливо улыбнулась и скользнула к выходу в зал торжеств.

Рома нагнал её не сразу. Уже потом, увидев его среди присутствующих, Мира поняла, что мужчина потратил это время, чтобы привести себя в порядок. Галстук-бабочка теперь поджимала горло, а пиджак был застёгнут. Не растрачивая время на ненужные приветствия, Рома направился прямо к ней.

– Мы недоговорили, – оповестил он, опустив голову в предельно вежливом поклоне. Мира нервно улыбнулась.

– Извини, папа будет против, если я начну заводить знакомства в подобном месте, – не стала юлить она и гордо вскинула подбородок, непрозрачно намекая, что разговор окончен.

Рома недовольно нахмурился.

– Глупости. Я знаю здесь всех.

Мира с сомнением прищурилась.

– Так уж и всех?

– Ну... за редким исключением. И, поверь, никто из этих присутствующих не сочтёт меня дурной компанией для своей дочурки.

– Неужто завидный жених? – не поверила Мира, а Роман сделал вид, что оскорбился.

– Представь себе. И, к слову, выбирать партию я не тороплюсь, так что вполне могу подождать год-два не только до наступления возраста согласия, но и до совершеннолетия. Не вынуждай меня идти на принцип, – предупредил он, но игры в этих словах было куда больше, нежели желания пригрозить.

Мира смешливо фыркнула, но мгновенно переменилась в лице и втянула голову в плечи. Рома проследил за взволнованным взглядом, обернулся, а, вернувшись к ней, округлил глаза.

– Отец? – заинтересованно хмыкнул он, а, впрочем, никакого ответа и не требовалось – достаточным оказалось увидеть, как Мира решительно выдохнула, готовясь принять удар. – Клянусь, Газаев последний, на кого бы я подумал, – заверил её Рома и холодно улыбнулся подоспевшему мужчине.

– Давид, рад видеть, – отрапортовал парень каким-то новым, совершенно незнакомым Мире, деловым тоном.

Он крепко пожал руку её отцу и дружески хлопнул того по плечу, чего не мог себе позволить простой смертный. Её отца боялись и уважали. А вот Рома, оказалось, был на «ты». Мира взглянула на него по-другому, и на щеках вспыхнул яркий румянец.

– Вечер добрый, – кивнул отец Роману и перевёл на Миру строгий взгляд. – Всё хорошо?

– Да, папочка, – ответила она прежде, чем Рома успел раскрыть рот. А вот резкий смешок он сдержал намеренно.

– Давид, я знал, что у тебя есть дочь, но и подумать не мог, что такая взрослая.

Мужчина был явно в настроении, потому на подобное замечание только отмахнулся.

– Рома, ты с ума сошёл? Знаешь, сколько ей лет? Это не дочь – это моя головная боль. Только посмотри, какая красавица выросла! У меня на родине из сватов собралась бы целая очередь! А здесь? Кому я могу доверить её здесь?

– Не скажи... Хорошую жену приходится столбить едва не с пелёнок. А уж в мире больших денег, где каждая вторая избалованная пустышка... Делать выбор нужно обдуманно и чётко.

– Как в бизнесе, Рома, как в бизнесе, – по-доброму рассмеялся отец, как вдруг задумчиво вскинул брови. – А ты, что же... созрел для женитьбы?

– Считаю, пока торопиться не стоит, а вот присмотреться можно. Что скажешь?

– Насчёт чего?

– Насчёт того, чтобы присмотреться.

Отец бросил на Миру задумчивый взгляд.

– Милена неважно себя чувствует. Мы как раз собирались уезжать...

Рома напряжённо поджал губы и неоднозначно выдвинул вперёд одно плечо. Он будто сомневался в своём желании настоять...

– Давид, брось... Девочка только вошла во вкус. Когда ещё выдастся случай посмотреть со стороны на этот зоопарк? А я, в свою очередь, обещаю вернуть её домой не позже десяти.

– В девять, – заявил отец, тоном давая понять, что торговаться бессмысленно.

Рома победно вскинул подбородок, будто последнее слово было за ним.

– В девять, – легко уступил он и наградил Миру таким взглядом, что у неё и мысли не возникло возразить, а вот по позвоночнику побежал неприятный холодок.

– Роман Новак. Восходящая звезда местного бизнеса, – рекомендовал молодого человека отец и Мира торопливо кивнула. – Веди себя благоразумно и в случае чего сразу звони мне. А ты не забывай, сколько ей лет, – с неприятным смешком он обратился к Роме и для пущей убедительности пригрозил тому указательным пальцем.

Рома самодовольно усмехнулся.

– Давид, ты за кого меня принимаешь?

– За кого я тебя принимаю, я расскажу тет-а-тет, а пока просто помни, что когда доверия нет, подобные разговоры даже не ведутся, – добродушно рассмеялся отец, ответно хлопнул Рому по плечу и на этом поторопился откланяться.

Мира было открыла рот, чтобы уточнить, что это такое сейчас произошло, но Рома напряжённо втянул в себя воздух через нос и неодобрительно покачал головой.

– Не сейчас, – ядовито процедил он и крепко сжал её ладонь в своей.

На импровизированной сцене наметилось оживление, музыканты уступили место организатору праздника, а народ потянулся к центру зала. Зло пожевав губами, Рома направился туда же. Глядя на его сосредоточенное лицо, Мира не рискнула противиться и послушно поплелась следом, бросая короткие взгляды то на напряжённую спину, а то на гневный румянец чётко над линией щетины. Оборачивался Рома редко и, скорее, желая убедиться, что в её голове не зреет очередной глупый план. Остановившись среди гостей, Рома огляделся по сторонам. Его ладонь стала горячей и напряжённой, глаза смотрели в пространство с недобрым прищуром, а на скулах время от времени появлялись желваки. Он о чём-то сосредоточенно думал, а в какой-то момент просто сорвался с места, стремительно удаляясь от эпицентра событий.

В толпе Мира увидела позеленевшую от приступа тошноты маму. На этот вечер у отца были свои планы, и отказываться от них он не спешил. И сейчас, сдерживая приступ раздражительности, вёл напряжённую беседу с прокурором Свердлик. Мира шарахнулась в сторону, пытаясь отыскать в толпе свою одноклассницу, о которой в свете последних событий успела забыть, но Рома держал крепко и весьма недружелюбно дёрнул на себя. Довольно грубо перехватив её за плечо, он остановился у фуршетных столов и достал из внутреннего кармана пиджака телефон, правда, так никому и не позвонил, только лишь покрутил его в руках, желая собраться с мыслями.

– Не вертись, – отстранённо бросил он, когда Мира в очередной раз пыталась отыскать в толпе знакомое лицо.

– Если я тебе мешаю... – начала было она, но Рома осадил Миру тяжёлым взглядом. – Ты давно знаком с моим отцом?

– Закрой рот, не до тебя сейчас, – нервно цыкнул он, и Мира порывисто дёрнула рукой, избавляясь от крепкой хватки.

– А я не навязывалась! – вспыхнула она.

Рома среагировал мгновенно: перехватил её за запястье, смыкая на нём грубые пальцы так, что Мира тихо взвыла, и отрезал от толпы, перекрывая обзор широкими плечами. Кто-то приблизился, и Рома дёрнул Миру в сторону балкона.

– Да объясни же, наконец...

– Заткнись, Мира, прошу тебя, – зло процедил он вместо любых объяснений.

Оказавшись вне зоны видимости, Рома снова достал телефон и на этот раз сориентировался достаточно быстро. Короткий разговор ничего не дал, собеседник не одобрил его предложение «переиграть», а напоследок бросил фразу, после которой и без того напряжённые губы Ромы побелели, а взгляд стал стеклянным. Звонкий стук каблучков отвлек от происходящего, и совсем скоро Мира услышала голос одноклассницы.

– Вот ты где! А я тебя везде ищу! Сказала же: не появляйся! – принялась гневно шипеть Свердлик, не разглядев, что Мира стоит не одна.

Наличие «свидетеля» вывело мужчину из равновесия, и он не сдержался:

– На хрен пошла отсюда! – рыкнул Рома и вытолкнул Олю за балконную дверь.

Та опешила, но спорить не посмела, бросив на Миру несколько недоумённых взглядов, она поплелась за очередной порцией шампанского.

– Да что случилось? – не выдержала Мира напряжения и совершенно не ожидала, что Рома в ответ на её вопрос рассмеётся.

– Случилось?.. – выразительно хмыкнул он, явно сдерживая нецензурные ругательства. – Ничего не случилось. Просто только что я вляпался в дерьмо по самые уши! – несдержанно проронил он, склонившись над Мирой настолько вызывающе, что ей пришлось пятиться.

– Послушай, если это из-за меня, то вовсе не обязательно...

Набирая в телефоне очередной номер, Рома предельно сдержанно выдохнул:

– Заткнись.

– Да кто тебе дал право...

– Сейчас же! – прикрикнул он, заставляя Миру окончательно потерять логическую цепочку.

– Думаю, отец ещё не уехал... – независимо проговорила она, не намереваясь разбираться с чужими тараканами, но Рома и не думал её отпускать: больно перехватив ладонью плечо, притянул Миру к себе.

– Олег, подгоняй машину, – как-то устало выдохнул он и покосился на Миру с некоторой долей раздражительности.

– Уезжаешь? – полюбопытствовала она, надеясь отделаться, но Рома растянул губы в неприязненной улыбке.

– Ты едешь со мной, – поделился он соображениями, а Мира вспыхнула.

– Вот ещё! Уж лучше домой!

Как раз в этот момент в зале раздались аплодисменты. Мира сделала попытку отступить, а Рома протянул руку и весьма неосторожно сжал её шею.

– Ты едешь со мной, – напомнил он, подавшись к её лицу. – Молча, – внушительно добавил и грубо потрепал по щеке.

Рома мельком глянул в сторону зала и повёл Миру вдоль по балкону, который опоясывал добрую половину здания.

– Выход в другой стороне, – на всякий случай предупредила Мира, скептически поглядывая на эти его метания. Рома и не подумал остановиться.

– Сейчас в зале не протолкнуться, – обернувшись, пояснил он. – Торжественная часть подошла к концу. Даже интересно, что они там сказали?.. Успели разве что пожелать нечто вроде: «Плодитесь и размножайтесь», – насмешливо хмыкнул он.

– Ты что-то имеешь против семейных ценностей?

Рома посмотрел на Миру оценивающе и многозначительно подмигнул.

– Что ты... Хотя сейчас готов исполнить свой мужской долг.

Заметив, как её перекосило, Рома рассмеялся в голос.

– А-а... я поняла: к тебе вернулось хорошее настроение, – ядовито процедила Мира и, уже заметив довольно крутую лестницу, ведущую вниз, на несколько шагов опередила своего спутника.

– Настроение? Оно меня не покидало!

Мира с подозрением оглянулась на мужчину.

– Ну вот, ещё и память короткая... – фыркнула она. – И, между прочим, ты так и не пояснил, что за бред нёс там в зале.

– Хотел побыть с тобой наедине. Ты тоже этого хотела.

Рома будто с осуждением ткнул в Миру пальцем, заставляя в удивлении вскинуть брови.

– С чего бы? Я не сказала сразу – растерялась, но видеть тебя, то ещё удовольствие! Своей глупой выходкой с часами ты меня здорово подставил.

Рома выразительно поморщился и притормозил для того, чтобы прикурить сигарету.

– Избавь меня от душещипательных историй, – довольно холодно осадил он и Мира оставилась прямо на лестнице.

– Неинтересны мои истории? Нет? Тогда зачем всё это?

Она весьма условно взмахнула рукой, имея в виду что-то неопределённое. Рома опустился на несколько ступеней и огладил ладонью её спину. Прикосновение показалось Мире лишним и весьма вызывающим, а тепло мужской руки неожиданно всколыхнуло таящееся внутри волнение.

– Не делай так! – процедила она сквозь зубы, извиваясь под его прикосновением, будто змея.

Рома затянулся сигаретным дымом, не скрывая удовольствия от подобной реакции, и ладонь ожидаемо не убрал. Пользуясь физическим превосходством, он ловко ограничил Миру в пространстве, отсекая от свободы кольцом собственных рук. В девичью спину впился металл высоких перил.

– Не делать? Почему? Кто-то недостаточно взрослый для подобных игр? – насмешливо проговорил мужчина, смущая Миру своей близостью.

– Вероятно, недостаточно взрослая, – легко согласилась она, решительно упираясь тонкой ладошкой в мужскую грудь. Это касание встретил мощный удар сердца и властная улыбка. – Но даже мне хватает ума не вестись на подобные уловки.

Рома не уступил и навис сильнее, давая понять, что её попытка оттолкнуть, не особо озадачила, впрочем, как и не распалила азарт. Мира упёрлась в его плечо второй ладошкой и посмотрела прямо в глаза.

– Прости, но мне действительно лучше вернуться домой с отцом.

Рома будто опомнился и тут же отступил.

– Не напрягайся так, не нужно, – улыбнулся он и небрежно поддел пальцами точёный подбородок. – Погуляем с тобой по городу, подышим воздухом, а в девять будешь дома.

Он соскочил со ступени и торопливо спустился. Мира замерла на месте в нерешительности.

– Просто я не понимаю...

– А у меня нет желания объяснять, – резким тоном оборвал Рома любые попытки к диалогу и, точно фарфоровую статуэтку, подхватил Миру за талию и поставил на землю. – Идём, машина ждёт, – сдавленно проговорил он, встретив её встревоженный взгляд.

Глава 8

Понятно, что провожатый из него ещё тот, да и повод остаться наедине весьма сомнительный. Рома даже не мог толком объяснить, что взбрело ему в голову. Знал только, что отпустить её сейчас нельзя, что придётся удержать под любым предлогом. И, казалось бы, ничего сложного: стоит только очаровать юную красавицу. Сложностей, собственно, и не было, а вот исполнение явно хромало. Впрочем, едва ли девчонка нуждалась в первой любви и сомнительных отношениях. По крайней мере, сам Рома считал именно так, но продолжал давить на единственный более или менее реальный вариант своей заинтересованности. Да и кто бы мог подумать, что мимолётное знакомство вывернет ситуацию в подобное русло?..

Явиться на сомнительное торжество требовало недавно приобретённое положение. Он заключил важный контракт, вышел на другой уровень. Ситуация жаждала срочных вливаний, а, значит, пришло время заводить новые полезные знакомства и удачно использовать давно имеющиеся в запасе активы. Ему следовало больше светиться, участвовать в знаковых мероприятиях и источать уверенность и позитив. Лицо! «Держать лицо» нужно было вне зависимости от реального положения дел. Он, собственно, и явился на вечер только с целью несколько раз приветственно махнуть рукой, да «отработать программу» удачливого бизнесмена. Девчонку увидел в последний момент.

Она стояла всего в нескольких метрах и казалась полностью поглощена собственными мыслями. Полумрак и неплохая память на лица сыграли с ним злую шутку. В голове мелькнуло узнавание, и Рома сделал ставку на одну из случайных любовниц. В конце концов, должна же быть какая-то польза и от этого вечера! Стандартный набор слов и улыбок не вытянул ситуацию, пришлось импровизировать.

Дилемма разрешилась довольно быстро, никакой интриги из собственной личности девчонка делать не стала. Она назвала причину их первой встречи, имя Рома вспомнил самостоятельно. Мира. Очаровательная бродяжка с чёрными глазами сейчас стояла напротив него и мало походила на себя прежнюю.

Оказавшись рядом с ней в зале, Рома, разумеется, высмеял игру собственного воображения: теперь-то уж он точно видел, что возрастная категория девчонки была за гранью его интересов. Да и следом он поплёлся из чистого любопытства: ведь что-то привело её на улицу несколько лет назад. И это что-то было не капризом и не принципом. Тогда, в момент первой встречи, он отдавал себе отчёт, что девчонка отлично освоилась в роли бродяжки и даже успела завести друзей. А вот среди высшего общества явно чувствовала себя куда менее уверенной. Он просто вызвался помочь. По крайней мере, себе Рома объяснил это именно так.

Кое-что прояснилось, когда появился её отец. Давид Газаев был из тех мастодонтов, которые всех и всегда гнули под свои интересы. Удачливый в бизнесе, да и по жизни, он отличался завидным трудоголизмом, имел свою точку зрения на любое происходящее событие и многим в городе был как кость в глотке. Он не лебезил, не уступал, не реагировал на шантаж и страдал излишней самоуверенностью. Но самое неприятное, что он не хотел меняться. Все менялись с течением времени, а Газаев пёр как танк и плевал на любого, кто смел указать на ошибки. В семье человек подобного склада характера ожидаемо был тираном и причина, по которой Мира когда-то сбежала из дома, показалась вполне понятной.

Проблема сейчас была в другом. Проблема заключалась в той мелочи, что Газаев своё отыграл, а в городе нашёлся упрямец, который давно сплёл новую паутину власти и сейчас вошёл в ту орбиту, когда наступает пора избавляться от неудобных. По сути, с Газаевым было решено. Он и сам понимал это и все его действия, все порывы больше напоминали агонию. Давид дёргал за не раз проверенные узелки и вынужден был с неудовольствием отмечать, что на их месте оказывалось пусто. Кого-то нагнули более умело, кого-то тупо перекупили, кто-то,

как и Газаев сейчас, ждал своей очереди. Не знал Давил только того, что отсчёт уже запущен. А Рома знал. Так уж случилось.

Смотреть на происходящее со стороны было дико, а порой даже жутко. И только равнодушное и неумолимое понятие «система» не позволяло вклиниться и потянуть одеяло на себя. Для этого у Ромы не было ни достаточного опыта, ни оборота.

Ситуация изменилась одномоментно. И у этой «ситуации» было имя, упрямый взгляд и целая жизнь впереди. А у Ромы было желание что-то изменить, влезть в мясорубку и доказать, наконец, самому себе, что он чего-то да стоит. Чего-то настоящего, более ценного, чем деньги, власть, положение. Наверно, был и интерес... но на этот интерес времени катастрофически не хватало. Не было возможности его распознать, распробовать его природу и характер, и уж тем более удовлетворить.

Мира упрямылась, злилась, осторожничала. Она пристально вглядывалась в его лицо, пыталась уловить меняющееся как ветер настроение и, так и норовила улизнуть. Стоит ли отмечать, что на эту глупость Рома не оставил ей и малейшего шанса?

Узкая дорожка вела вокруг здания. Мира шла с видом заключённого, и конвоир ей отчего-то не нравился. То и дело она опасливо скидывала голову, но не находила ни малейшего повода взбрыкнуть. Рома галантно придерживал её за талию, но всем своим видом демонстрировал холодное безразличие. Едва ли она могла обидеться на такое его невнимание, скорее, причины подобного поведения оставались загадкой. А как девочка с опытом она явно знала, что не все загадки бывают с хорошим концом.

В общей темноте спокойного вечера призывно мерцали габариты авто, и Рома успел облегчённо выдохнуть. Мира, словно уловив это, разочарованно потянула:

– Отъезжаем с заднего двора?

Рома паршиво улыбнулся и развёл руками.

– Что поделать... Ваш первый бал, мадмуазель, не удался.

Малышка явно решила покапризничать и, остановившись на месте, демонстративно топнула ногой.

– Вообще-то, принцессы не отправляются в путь с чёрного входа!

– Так, то настоящие принцессы, Мир, а ты у нас кто?

– А я и есть настоящая! – возмутилась она, каким-то невероятным образом выбрав для этого самое неподходящее время. Отвлекая, Рома щёлкнул её по носу.

– Увы... если только в душе... – со смешком выдал он, как вдруг обернулся в сторону громкого вскрика и изменился в лице.

Мира тоже посмотрела в ту сторону: всего в паре сотен метров от них, у центрального входа, заливисто хохотала Милена. Мира дёрнулась, но Рома требовательно сжал её плечо.

– Там папа, я пойду к нему, – улыбнулась она, а, глядя на Рому, хитро прищурилась. – Ты скрасил мой вечер, спасибо. Я пойду... – повторилась она, понимая, что хватка на плече только усилилась.

– Не пойдёшь, – неприятно улыбнулся Роман и подвёл Миру к своему автомобилю. Она принялась упираться и выкручиваться.

– Прекрати, это уже не смешно! – в голос возмутилась она и нетерпимо потрянула рукой. Рома примирительно отступил, но плечами всё ещё загораживал проход.

От резкого движения миниатюрная сумочка, что всё это время висела за спиной, зазвенела своими малюсенькими колокольчиками и Мира вспомнила о телефоне. Изловчившись, она достала мобильный и успела его разблокировать.

– Я сейчас позвоню ему и...

Рома перехватил её телефон тут же и спрятал в карман брюк.

– Никуда звонить ты не будешь... – предупредил тоном, не предполагающим возражения. Мира нахмурилась.

– Да что с тобой?! – разволновалась она и, бросив беспомощный взгляд в сторону центрального входа, часто задышала.

Отец о чём-то разговаривал с незнакомым мужчиной, но уже держался за дверцу авто, явно торопясь отбыть. Рома, перехватив её за подбородок, настойчиво развернул лицо к себе.

– Просто сядь в машину, – спокойно и будто устало скомандовал он, но Мира и не подумала послушаться. Она лишь раздражённо отмахнулась.

– Рома, хватит!

В одно мгновение на прежде мягком лице не осталось ни благодушия, ни безразличия. Мужчина напряжённо стиснул челюсти, а в его глазах загорелся недобрый азарт.

– Сядь... в машину. Сейчас, – злобно процедил он и весьма неосторожно подтолкнул Миру к авто. Она оступилась и больно ударилась локтем, посмотрела на мужчину с обвинением и упрёком. Из машины тут же выскочил водитель.

– Роман Борисыч, всё в порядке?

– Вернись за руль! – рыкнул Рома и, явно сдерживая эмоции, вытолкнул из себя воздух. – А ты садись в машину.

Его улыбка вышла торопливой и ненастоящей. Мира чувствовала, как внутри неё поднимается волна протеста.

– Не сяду! – вскрикнула она, демонстрируя характер, и только предательские слёзы подступили к глазам.

Рома неодобрительно покачал головой и, тоже в некоторой степени признавая собственную растерянность, провёл ладонью по волосам, взъерошивая их.

– Мира...

– Я не хочу! – выкрикнула она снова, не позволив ему как-то объясниться.

Рома торопливо сглотнул и выдал очередную фальшивую улыбку.

– Не нужно кричать, – предупредил он, на что Мира решительно шагнула вперёд. В то же мгновение на плечах сомкнулась стальная мужская хватка.

– Прекрати, мне больно! – завертелась она, начисто забыв про все приличия и условности.

– Плевать! – рыкнул Рома, и, распахнув дверцу, попытался толкнуть Миру вглубь салона авто.

Она среагировала тут же и не постеснялась ударить исподтишка. Сначала локтем под дых, а затем вполне решительно кулаком в нос. Рома не то чтобы ощутил особый дискомфорт, но на время всё же опешил. И этого Мире хватило, чтобы сорваться с места и побежать. Но разве же на каблуках можно убежать далеко?.. Рома настиг её буквально в несколько шагов и снова дёрнул на себя. На этот раз, не заботясь о том, что она подумает. Хлёсткая пощёчина и ощущение острых коготков на своей щеке разбудили вполне понятный азарт. Скрутить Миру не составило труда. И пусть девчонка по-прежнему брыкалась и извивалась в его руках, определённую степень удовольствия от «охоты» он всё же уловил. Рома как раз собирался шепнуть ей на ухо что-то мерзкое и непристойное, как прогремел взрыв. На мгновение всё вокруг стихло и даже сопротивление Миры ослабело на десяток градусов. В голове наметился неприятный шум, в глазах напротив Рома разглядел растерянность и какую-то детскую обиду. Будто нехотя Мира обернулась. Секунду, может, две она смотрела на пылающее авто, а потом вся заколотилась, завибрировала от нахлынувшего ужаса.

– Папочка! – выкрикнула она и рванула в сторону огня с такой силой, что Рома не смог удержаться.

Он догнал Миру практически сразу, но сила, зародившаяся в тщедушном тельце, отказывалась поддаваться.

– Папа! – крикнула она на всю мощь голоса, продолжая сопротивляться хватке, вот только в этот раз Рома оказался сильнее. В этот раз он точно хотел удержать. Мира на какое-

то мгновение растерялась, замерла и беспомощно всматривалась в его лицо. – Рома, Рома помоги! – слёзно закричала она, всё ещё находясь на грани истерики, но не погружаясь в неё. – Его надо вытащить, Рома! – с безумием во взгляде доказывала она, искренне недоумевая, почему тот стоит сам и не пускает её.

Мира вцепилась в его предплечья и бессознательно дёргала на себя, в сторону развернувшейся трагедии.

– Рома, пожалуйста!.. – затряслась она, понимая, что её силы не хватит, чтобы сдвинуть мужчину с места.

Сил хватило, чтобы оттолкнуть. Потому что он сомневался. Он струсил! Так Мира посчитала. Оттолкнула и бросилась к полыхающей огнём машине. Преградой стали высокие кусты «живой изгороди» и она замешкалась, пытаясь отодрать от колючих веток запутавшееся в них платье. Свобода показалась практически возможной, как вдруг в волосах Мира почувствовала грубую хватку чужих пальцев. Боль ослепила и оглушила. И даже собственный крик остался где-то за гранью сознания. До машины Рома тащил её волоком, не позволяя встать на ноги, а затем швырнул в салон, как бесправную марионетку, и навалился сверху, больно удерживая за шею, сжимая запястья.

– Двери блокируй и поехали! – крикнул он водителю.

Раздался щелчок, Мира взвыла.

– Выпусти меня! – взревела она, царапаясь из последних сил, раздирая его запястья в кровь. – Выпусти, я пойду к нему! – просилась, захлёбываясь слезами и собственными воплями. – Ты не смеешь, не смеешь! – кричала она так, будто кожу сдирают живьём. А, может, именно так и чувствовала. Кожу сдирали с души. С её затравленной, измученной души.

Борьба была абсолютно бессмысленной, но Мира отказывалась это понимать. Она упиралась ногами в дверцу авто, пыталась вывернуться из железной хватки, совершенно не заботясь о том, какие следы оставляют его пальцы, с какой силой в живот упирается острое колено. А Рома давил. И на мгновение не уступал. Он ждал, пока Мира успокоится или просто сдастся. Он наивно надеялся, будто она сможет осознать, что сейчас произошло. Его пощёчина, казалось, могла начисто вынести ей челюсть, но Мира просто стихла, глядя безумными глазами.

– Всё закончилось, Мира. Его больше нет, – проронил он, совершенно растерявшись от такой её реакции.

Истерика ушла, а вот справиться с её слезами он был уже не в силах. Мира больше не кричала и никуда не рвалась. По-прежнему нависая над ней, Рома даже не сразу вспомнил ослабить хватку. Лишь спустя время пальцы разжались сами собой, а тело, будто поддаваясь неслышному приказу, качнулось назад. Опомнившись, Рома отшатнулся и всего на мгновение позволил себе слабость: разглядел мелкую дрожь в пальцах. Пытаясь отдышаться, он грузно опустился на сидение, попутно выталкивая из-под себя ножки Миры. Уперев локти в колени, Рома устало обтёр ладонями лицо, шумно вытолкнул из себя воздух. В горле стоял непроходимый ком.

Всё осталось позади. И шумный праздник, и страшный взрыв. Там же остались сложные шутки, недомолвки, пылкие взгляды. Мира, затаившись, скрутилась на сидении, подтянув колени к груди. Она вздрогнула, замерла, услышав громкий звук сирены пожарной бригады, но так и не решилась сдвинуться с места. А ведь Рома всерьёз опасался, что её попытка повторится и не единожды. Также реагируя на сирену, он скосил на Миру глаза и напрягся всем корпусом, готовясь погасить очередную истерику, но обошлось. Поймав в зеркале заднего вида взгляд водителя, Рома упрямо вскинул подбородок, тем самым подтверждая абсолютную уверенность в своих действиях.

Нужно было что-то сказать. Мире. Сказать, успокоить, может быть обнять. Что-либо объяснить сейчас было бесполезно, а вот продемонстрировать поддержку... Впрочем, отчего-то Рома промолчал. Возможно, причиной тому была её напряжённая поза, возможно, ногти, впи-

вающиеся в обивку сидения. Миру не отпустило, вот ни разу. Сейчас она чувствует растерянность, но совсем скоро предъявит ему обвинение, уж в этом Рома не сомневался.

Он не хотел, чтобы девчонка видела... Уж лучше бы узнала потом или прочла в новостной сводке. Видеть и при этом чувствовать свою беспомощность всегда страшнее. Рома знал это чувство. Оно ворвалось в душу, когда после недолгой болезни уходила мама. Эта беспомощность иссушала, опустошала, выпивала до капли. Она забирала последние силы, оставляя эгоистичное желание оказаться на месте матери, ведь уйти думалось проще, чем остаться. А теперь он смотрел на Миру и не мог произнести слова, которые позволят ей поверить, будто он всё понимает. А ещё у них впереди целая ночь. Длинная и сложная. В эту ночь Мира будет гореть, погружаясь в собственные страхи, Роме же предстоит непростая задача...

Он даже не успел толком прочувствовать вкус свободы. Почти три года как проклятый. Но тогда боролся за своё, и потому даже бессонные ночи были в радость. Он рос, развивался, он учился расправлять крылья. А сейчас ему снова придётся ухищряться, договариваться, идти на уступки. Только уровень куда круче и ставки на порядок выше. А он даже не может объяснить, в какой момент чужая жизнь стала дороже собственной шкуры. Жизнь посторонней, по сути, девчонки. Рома снова бросил на Миру короткий косой взгляд, вспомнилась их первая встреча. Тогда девчонка тоже зависела от него, но был один существенный момент... в тот день решение проблемы оказалось подвластно его воле. Сейчас же Рома стоял в вынужденной позе, совершенно неожиданно для самого себя он перестал вести в игре, и это было неприятно.

Глава 9

Машина неслась по тёмной глухой трассе, всё удаляясь от города. Совсем скоро показался съезд к посёлку, но расслабиться так и не удалось. В кармане вибрировал телефон. Одного взгляда на имя звонившего хватило, чтобы понять, насколько же он влип. Звонил отец. Впервые с момента их ссоры. Значит, уже донесли, что Рома вписался. И это очень плохо. Отвечать на вызов Новак не захотел. Понятное дело, отец в приказном порядке потребует объяснений и немедленной капитуляции. Он в принципе не признавал чужих проблем, не считая их достойными собственного внимания. До сегодняшнего дня Рома поддерживал такой его выбор, а вот сейчас программа вдруг дала сбой: Мире была необходима защита, и оставалось надеяться, что его сил и дара убеждения окажется достаточно.

На подъезде к дому Рома тихо позвал Миру по имени, но никакого отклика не последовало – она замкнулась, и очень хотелось верить, что «отомкнёт» её нескоро. Ему было нужно время. Чтобы договориться, что-то решить и выдохнуть перед вторым раундом.

Оказавшись во дворе, некоторое время Рома приценивался к её состоянию, примеряясь к возможным рискам, но в один момент решился взять Миру на руки. Она легко поддалась или, скорее, не нашла в себе сил как-то возразить. Дорога к дому показалась чем-то сродни затяжному прыжку с парашютом или переходом по канату, натянутому между двух небоскрёбов. По крайней мере, осторожности было именно столько.

Рома не стал рисковать и запер Миру в одном из технических помещений подвала. Уходя, он окинул беглым взглядом периметр на предмет возможных последствий, но навредить себе или дому Мира не смогла бы при всём желании. Кроме нескольких старых стульев, на которых Рома как раз её и устроил, да швабры в углу, в комнате практически ничего не было. Накинув на её недвижные плечи свой пиджак, Рома вышел и запер дверь на ключ.

– Будешь здесь, – бросил он водителю и тяжело вздохнул. – Откроешь только в крайнем случае, – предупредил, передавая тому ключ.

Сам же Рома отправился к машине. Ему следовало вернуться в город. Предстояли сложные переговоры, из которых он просто обязан выйти победителем.

Когда Новак вошёл в кабинет, его уже ждали. Вместо наголо бритых братков, во все тридцать два скалились зубастые юристы, вместо угрозы только внимательный и предельно серьёзный взгляд.

– Ну и задачку ты мне задал... – упуская приветствие, неприятно оскалился мужчина, сидящий во главе стола. – Торговаться будешь? – насмешливо бросил он.

Рома нагло улыбнулся и обречённо махнул головой, будто в намерении озвучить последнюю просьбу перед казнью.

– Буду.

Мужчина, теперь уже превесело поглядывая на него, развёл руками.

– Ну, тогда торгуйся. А мои ребята тебе помогут, – безразлично отозвался он и со скучающим видом отвернулся к панорамному окну кабинета.

Всё равно, что дал команду «фас», и те приготовились рвать Рому на части, в желании выслужиться, в намерении выхватить кусок побольше.

Покинуть «гостеприимный» офис удалось только под утро. Первым желанием было просто отдышаться, но такой роскоши позволить себе Рома не мог – знал: за ним пристально наблюдают из окна верхнего этажа. Это чувство разъедало затылок, словно ядовитая кислота. Оно жгло, оно же и заставляло упрямо расправлять плечи, не выдавая и малейшего неудобства.

Новак спокойно пересёк просторную стоянку, сел за руль автомобиля и плавно тронулся с места. И только когда здание офисного центра осталось далеко позади, он прижался к обочине, врубил аварийку и зло ударил ладонями по рулевому колесу. Эти несколько часов его бук-

вально выпотрошили. Его и... наследство Миры. От богатого приданого остался один пшик, от целого холдинга – лишь название. А он сам поручился за каждую копейку, ведь активы ещё только предстоит перевести каким-то невероятно хитрым и, что уж таить... незаконным способом. И единственное, в чём он уж точно одержал верх, так это девчонка, ведь именно так о Мире отзывался глава юридического отдела. Просто «девчонка», банальная помеха между ними и нехилым состоянием Давида Газаева.

Опомниться удалось не сразу. Рома взъерошил волосы напряжённой ладонью и старательно растёр лицо. Рассеянный взгляд усилием воли удалось устремить вперёд, в целый айсберг проблем, вершину которого он этой ночью так необдуманно сдёрнул. Его выходка оказалась самонадеянной и глупой, порыв – неоправданным. И лишь внутри теплилась слабая надежда на то, что он сумеет справиться, что выплывет, что хватит сил вытащить за собой Миру.

Вернувшись домой, первым делом Рома глотнул коньяка. Ему было просто необходимо расслабиться, разогнать по телу тепло, растворить в алкогольной дымке всё нарастающее напряжение. Тепло пошло, кровь понесла его по телу и едва ощутимо толкнула в опухшую от мыслей голову. Глаза слипались от усталости, по кончикам пальцев так и норовила ударить нервная дрожь. Легче не стало. Стало мутрно и маетно, стало невыносимо тоскливо, и дальнейшее ожидание просто утратило свой смысл. Вот тогда-то он и спустился в подвал.

Неоправданно высокие потолки и светлые стены именно сегодня невероятно давили на сознание. По мере приближения к кладовой, где он запер Миру, сердце стучало всё глуше, всё тише. Никто не хочет быть гонцом, что приносит дурные вести. У Ромы мнения никто не спросил. На него тупо возложили такие обязанности. К слову, сам он эти обязанности и возложил. Постарался – ничего не скажешь!

Водитель устроился стоя у стены и с видом бесконечно уставшего человека пялился в запертую дверь. При появлении хозяина он подобрался и извлёк из кармана пиджака ключ, протянул его Новаку. Рома бросил на водителя напряжённый взгляд.

– Ну что там?

– Тихо, – пожал тот плечами. – Сначала девчонка ещё немного повыла, а потом затихла. Я часа два назад заглядывал – спит.

– Хорошо, свободен.

– Точно справитесь? Девчонка-то с норовом.

Рома криво улыбнулся и махнул рукой.

– Старая знакомая... как-нибудь договоримся.

– Я тогда пойду? – с признаками явного облегчения водитель неосознанно шагнул в сторону выхода. Рома сосредоточенно кивнул.

– Ну давай. На сегодня свободен. Только ты знаешь, что... набери Софью, пусть сегодня не приходит. Пока без подробностей, я ей потом про гостью сам скажу, лады?

Рома хлопнул водителя по плечу и задавил взглядом, давая понять, что прозвучала отнюдь не просьба, прозвучал приказ.

Дождавшись, пока водитель скроется из виду, Рома вставил и провернул в замке ключ, толкнул дверь вперёд и погрузился в гнетущую тишину комнаты. Привычно серый цвет стен ударил по глазам, какой-то невообразимо пыльный воздух спёр дыхание. Только сейчас Новак и обнаружил, что на его шее так и болтается галстук-бабочка. Он сдёрнул неуместный аксессуар, смял его в кулаке, спрятал в кармане брюк и, наконец, сумел напряжённо вытолкнуть из себя воздух.

Мира спала. Она так и лежала на дурацких стульях, рёбра сидений которых наверняка впивались в её бока. На плечах его пиджак, на лице старательно подтёртые следы недавних слёз. Именно так. Тёмные разводы от косметики остались только в зоне ресниц. Удивительная сознательность поразила и одновременно испугала. Разве об этом должна была думать

девчонка её возраста? Разве об этом она должна беспокоиться? Задушив подобную мысль на корню, Новак подошёл к пленнице максимально близко и старательно прочистил горло.

– Мира?

На его зов Мира не отозвалась, чем буквально зарубила на корню демонстративную холодность и напускное безразличие. Конечно, жалость была! Наверно, Рома просто не научился отрешиваться или не замечать собственных эмоций. Нормальных человеческих эмоций! Наверно, это приходит с опытом... Вторая попытка оказалась не столь отчуждённой. Новак склонился над девчонкой, долго и пристально разглядывал её умиротворённое лицо, упрямо поджатые губы, коснулся пальцами светлых волос. Он вдруг поймал себя на мысли, что помнит этот оттенок. Помнит её голос, улыбку, как выглядят её глаза в момент, когда в них загорается искорка надежды. И эти воспоминания сочатся не из вчерашнего случайного вечера. Этим воспоминаниям несколько лет. Он запомнил всё это ещё тогда, в первую встречу. Мира произвела впечатление. А сейчас это впечатление накрыло с головой и толкнуло на... на подвиг, что ли... Да ему прежде и не приходилось испытывать нечто подобное! Это бурлящее внутри желание действовать, стремительно двигаться вперёд, побеждать! Выходит, малышка умеет вдохновлять...

Рома криво улыбнулся и прогнал наивные мысли подальше. Лишний романтизм ему сейчас точно не в масть! А этот поступок... дурость, не более того. Вдруг стало легче. Отпустило. Новак раздражённо вздохнул и выпрямился.

– Мира, просыпайся, – осторожно позвал Рома и коснулся тонкого плеча.

Она подскочила как по команде «Смирно», будто и не спала вовсе. Подскочила и явно намеревалась бежать в пока ещё неизвестном направлении. Рома не сдержал улыбки: Мира наверняка всю ночь обдумывала этот побег. Обдумывала, планировала, а в момент истины отключилась и вот результат: вместо стремительных действий она растерянно хватает воздух ртом.

– Можешь не торопиться, нам ещё предстоит кое-что обсудить, – насмешливо проговорил Новак, вполне ощутимо отесняя Миру в угол комнаты.

Она попятилась, но явно не сдалась – характер ещё тот. Теперь хотя бы стали объяснимы её манипуляции с лицом: Рома практически наяву видел, с какой решительностью она трёт щёки, избавляясь от комичных чёрных разводов.

– Чего ты хочешь? – проронила Мира, явно вложив в тихий и осторожный вопрос всю волю и решимость.

Она пыталась смотреть в глаза, пыталась придать собственному взгляду упрямства, но всё равно продолжала бояться. Себя, его, ситуации в целом. Погиб человек, её отец. Места для шуток и глупых ошибок просто не осталось. Своенравная натура требовала действий, разум умолял остановиться, а Мира так и замерла на перепутье, не решаясь шагнуть ни в одну из сторон.

С ответом Рома не торопился. Потому что ответа не было. Не говорить же, в самом деле, что он сам, точно как Мира сейчас, пытается нащупать верную стратегию. Пытается. В темноте и с закрытыми глазами. Примерно так выглядела ситуация с его стороны. Не об этом же ей нужно сказать! Потому Новак вздохнул и сделал попытку примирительно улыбнуться.

– Ты сейчас беспомощна, точно слепой котёнок, чего я могу хотеть? К примеру, чтобы ты, наконец, перестала стучать зубами и выдохнула?

– Ну да, как же! – зло выкрикнула Мира, вздрогнув всем телом.

Рома широко улыбнулся. Широко и холодно. Так, что Мира замерла перед ним, готовая вот-вот рухнуть в обморок.

– Что? Даже не попробуешь? – наигранно удивился он, и из глаз девчонки потекли злые слёзы. – Если позволишь, то у меня есть небольшое предисловие, – смягчился Новак и получил в награду полный ненависти взгляд. Он стряхнул его с себя, как пыль, и продолжил: – Из-

за случившегося, ты, вероятно, подумала, что жизнь кончена, самое страшное свершилось, а впереди лишь пустота и темнота. Так вот это не так. Для нас с тобой всё только начинается. И, хочешь ты того или нет, этот непростой путь мы пройдем вместе. Так бывает. Выбора не остаётся, и ты вынужден принять предложенные условия или отступить. Отступить, как ты понимаешь, куда.

– Я не понимаю, зачем ты всё это говоришь! – взвинчено заявила Мира, смахивая горячие слёзы со щёк, будто это гремучие змеи.

– Хочу, чтобы поняла: я тебе не враг. Ты потеряла близкого человека. Тебе больно, обидно, страшно. К сожалению, я не могу этого изменить. Ты тоже не можешь. И потому придётся смириться.

Мира прикрыла глаза и перевела дыхание. Сморгивая усиливающийся поток слёз, она множественно кивнула, будто принимая его правду.

– Ты знал, да? – странно усмехнулась она и вдруг вскинула взгляд. – Ты знал! – обвинила, заставляя Рому скрипнуть зубами, признавая жуткую правду.

– Знал! – Новак прищурился и однобоко ухмыльнулся, выражая явную неприязнь. – Не спрашивай, как так вышло – всё равно не отвечу.

Мира сжала кулаки и решительно шагнула вперёд.

– Ты знал и ничего не сделал! – обвинила она, а Рома вскинул подбородок, на его скулах выступили желваки напряжения.

– Я забрал тебя, – сдержанно пояснил он, принимая удар. – Или считаешь, что этого мало?

– Ты просто не имел права промолчать – вот, что я считаю!

– Да ты просто пионер! – охнул Новак, не справившись с эмоциями. – Сама бы наверняка так и поступила! Вот только я – не ты, и у меня есть свои доводы.

– Ты просто трус!

– А ты глупый ребёнок, который ничего не понимает в жизни, потому последнее твоё высказывание можно смело опустить. Вернёмся к началу разговора: некоторое время ты проживёшь у меня. По моим правилам. Не выделяваясь и не показывая зубы, которые у тебя, условно, острые.

– С какой стати?!

– По нелепому стечению обстоятельств, крошка! И нам предстоит хорошо поработать над тем, чтобы в эти планы никто не вмешался. Это в твоих интересах.

– А иначе что?

– Вариант «отправиться за папочкой» озвучивать или сама как-нибудь допрёшь?!

– Угрожаешь?

– Я пытаюсь тебя защитить!

От оглушительного крика Мира зажмурилась и закрыла уши ладонями. Спустя время она опомнилась и беспомощно опала у стены.

– Зачем?.. – раздался тихий шёпот и Новак едва не застонал, столько непонимания было в её словах.

– Я могу не отвечать и на этот вопрос тоже? – сухо усмехнулся он. – Хотя, наверно, всё дело в моей импульсивности, – словно в диалоге с самим собой предположил Новак. – Всё произошло слишком быстро. В такие минуты нельзя выстроить логическую цепь и принять взвешенное решение. Я не хотел, чтобы для тебя всё закончилось так...

Голос сел, и за эту слабинку Рома себя возненавидел, а впрочем, Мира на это будто и не обратила внимания. Он даже не мог утверждать наверняка, слышала ли она его откровения.

– В любом случае, сейчас всё это не имеет никакого значения. Правильнее будет обсудить, что следует делать дальше.

– А что будет дальше? – неожиданно проронила Мира, и в её тихом голосе слышался реальный испуг. Вероятно, она заикнулась на произошедшем и о том, что это самое «дальше» наступит очень скоро, даже не вспомнила.

– А дальше... – Новак взмахнул рукой и странно качнул головой, а уже в следующую секунду сосредоточенно сощурил глаза. – У тебя родственники есть? Дальние... тётки, бабки?... Кто там может быть ещё?... Чтоб ты знала, их наличие ситуацию не изменит – ты всё равно останешься под моей опекой. Но в то же время все эти дальние родственники ощутимо усложнят задачу.

– Это всё из-за денег, верно? – словно не обращая внимания на все его рассуждения, Мира бросила один из тех взглядов, что проникают в душу и стремительно выворачивают её наизнанку.

Рома мысленно застонал, а на деле только растянул губы в язвительной улыбке.

– А ты знаешь другую вескую причину?

– Ты тоже из-за денег?

– Ну а это уже лишнее, крошка. Вот именно я!.. исключительно из любви к ближнему!

– Не злись, я просто спросила... – Мира легко пошла на попятную, отнекиваясь от обвинения. Рома соорудил дурацкую клоунскую гримасу.

– Ты так и не ответила: что там с родственниками?

– Никого нет, – уже не так напористо проговорила Мира и передёрнула плечами.

– Прямо-таки никого?

Мира поджала губы и неосознанно растёрла ладонями плечи.

– Я что-то не пойму, это ты так сейчас огорчился или всё же обрадовался? – обозлилась она, и Рома одобрительно моргнул.

– А ты, как я погляжу, пришла в себя?

– После смерти мамы я больше года посещала психолога, который намертво вбил в мою голову одну простую истину: прошлое не изменить. То, что произошло вчера – уже прошлое. И, знаешь, я тоже не хочу, чтобы всё закончилось так... – Мира многозначительно замолчала, возвращая Роме его же слова.

Новак осторожно кивнул, присматриваясь к девчонке очень внимательно. Перемены в настроении Миры не то чтобы пугали, а, скорее, настораживали. Граница «нормальности» в её случае ушла глубоко в сторону и практически растворилась. Стрессы меняют людей. Трагические потери способны сломать даже самых сильных. А Мира... она то ли «закопала» эту боль глубоко в себя, то ли, действительно, отпустила. В любом случае, ситуация требовала контроля. Пристального и постоянного. Рома едва уловимо улыбнулся и настежь распахнул дверь.

– В таком случае: добро пожаловать, – он сделал хозяйский жест рукой и проводил Миру цепким взглядом.

«Контакт установлен» – нашёптывало сознание, и лишь интуиция, которая редко подводила его, вопила: «Не верь»!

Мира опасливо оглядывалась, пока шла по длинному коридору подвала, неуверенно поглядывая на Рому, когда ступала по широкой лестнице и совершенно растерялась, оказавшись в просторном холле.

– Это твой дом? – уточнила она, а Рома изловчился, дотянулся до стоящей недалеко вазочки с конфетами и достал одну для Миры.

– За догадливость! – пояснил он, протягивая девчонке леденец. Мира приняла карамельку и зажала её в кулачке.

– И что дальше? Что я должна делать дальше?

– Ну... для начала было бы неплохо привести себя в порядок, принять душ, позавтракать, наконец...

Мужчина вскинул левую руку, чтобы посмотреть на время, и присвистнул:

– О-о, да ещё рань несусветная! – радостно объявил он, но улыбка скисла, как только Рома наткнулся на потухший взгляд Миры. – Так, дорогая, давай договоримся на берегу: мне от тебя ничего не нужно. Мне – нет!

– А кому нужно?

– А кому нужно, с теми, к счастью, можно рассчитывать папочкиным наследством.

– Наследством? – поёжилась Мира, будто, действительно, успела забыть о взрыве.

– Всё дело в деньгах и им, не поверишь, уже нашёлся хозяин!

– Тогда при чём здесь ты?

– Да ни при чём, я же тебе объяснял... – Новак натужно вздохнул. – Но если уж вписался, то соскочить не получится.

– А ты хочешь соскочить? – как-то по-особенному искренне поинтересовалась Мира и просто отшутиться уже не вышло.

– Не хочу. Услышала меня? – Мира отвела взгляд и осторожно кивнула. – И я очень надеюсь на твою сознательность. Как ты понимаешь, вопрос с опекой решить миром не выйдет. Малейший косяк, глупая выходка, и у меня просто не останется шансов. Тебя заберут, а там уж, извини, но никаких гарантий. Я доступно объясняю ситуацию или тебе назвать конкретные контрмеры?

– Я всё поняла.

– Мира, я не ангел, ты тоже с характером. Притирка будет жёсткой – я даже сейчас не питаю по этому поводу иллюзий. Я буду!.. тебя прижимать. Я буду!.. тебя ущемлять. А ты наверняка станешь пакостничать в меру сил и фантазии. Но давай всё это оставим на потом. На тот самый момент, когда официальный документ об опеке будет лежать у меня на столе. Уговор?

– Ты нарисовал какую-то уж совсем безрадостную картинку, – с неохотой заметила Мира, а Рома напрягся.

– Мира, уговор?! – надавил он, и девчонка сдалась, обречённо кивнула. – Вот и хорошо, вот и умница. А сейчас душ, завтрак и обмен информацией. Будем давить на то, что я был вхож в семью, давно знаю тебя и Давида, на твою ко мне привязанность.

Мира кисло улыбнулась.

– Ты серьёзно считаешь, что этого достаточно?

– А всё остальное мы покроем жирной пачкой денег.

– У меня денег нет.

– Да нет проблем, я тебе одолжу, – Рома шутливо улыбнулся и подтолкнул Миру к лестнице, ведущей на второй этаж.

Он оставил её в своей спальне совершенно одну. Как жест безграничного доверия. Дал время и дал пространство. По сути, это в принципе всё, что он мог дать ей сейчас. Девчонке нужно было прийти в себя и как-то примириться с действительностью. В её распоряжении оказались просторная ванная и абсолютная тишина. Сам Рома иногда задумывался над тем, а нужно ли ещё что-нибудь для счастья?.. А вот дом пришлось поставить на сигнализацию, потому что в реале доверия не было. В её тёмных глазах мерещилась хитрость, в мягких словах какое-то едва уловимое ехидство. Так, будто Мира толком и сама-то не была уверена, стоит ли гостить у неожиданного защитника или есть вариант сохранить некоторую независимость. Узнать, что творилось в её голове, не представлялось возможным и Новак, шагнув вразрез со своими принципами, решил пустить ситуацию на самотёк. Совсем немного. Только чтобы набраться сил перед следующим раундом.

Мира тем временем прислушивалась к бешеному биению сердца и к шагам за дверью. Вот только за дверью ничего не происходило, но оттого становилось лишь страшнее. Оставшись одна она вдруг почувствовала себя загнанной в угол, либо угодившей в мышеловку, да так, что дверца здорово шарахнула по голове и сейчас никак не удаётся сообразить, что же будет

дальше. Мира была достаточно взрослой, чтобы понять: никто и ничего не делает просто так. Выходит, интерес был и у Ромы. Интерес весьма мутный и сомнительный.

Он игриво смотрел на неё на банкете, нагло улыбался, оказавшись в непосредственной близости, и совершенно не стеснялся демонстрировать желание, прижимая её к себе во время танца. И забавлялся. Конечно, ведь он всё ещё помнил её в зависимом положении в своём гараже! А что теперь? Теперь он предлагал поверить в благородство. Он слово-то такое знает вообще?

Первой мыслью было немедленно сбежать. Мира даже выглянула из окна, примеряясь к высоте второго этажа. Сбежать было бы неплохо... жаль, что проблему это не решало. Три года назад всё было иначе. Она была никем. А сейчас наследница. «Наследница...» – Мира тяжело вздохнула и опустила лицо в ладони. При взгляде с этого ракурса Рома не казался таким уж чудовищем. Да и что ей стоит... Мира хватанула воздух ртом и неосознанно поморщилась, но быстро собралась с мыслями. Что ей стоит оказать ему... внимание?.. Не убудет, как говорила мачеха. Не убудет... но появится время подумать, что делать дальше.

Мира бегло осмотрела комнату: Рома привёл её в спальню. Тёмный пол, светлые стены, минимум мебели и полное отсутствие личных вещей. И всё это как очередное напоминание: бесполезное и ненужное он с лёгкостью убирает из своей жизни. Мира сжала кулаки и решительно направилась в ванную комнату. Когда-то она любила подолгу отмокать в воде, играть с пышной пеной, весело плескаться, если мама вдруг составляла ей компанию. Теперь на всё про всё уходило не более пяти минут. Мира жёстко натирала тело мочалкой, мылила волосы шампунем и торопливо смывала всё это под контрастным душем. Сегодня пришлось познакомиться с разводами от макияжа, но в целом она практически не выбилась из привычного ритма. Бельё решила оставить, а вот на платье даже не посмотрела. В невысоком шкафу обнаружились халаты разных мастей. Мира выбрала пушистый чёрный, который наглухо закрывал всё тело, прятал его от внимательного и цепкого взгляда, от которого бросало в дрожь даже сейчас, в пустой комнате.

Спустившись вниз, она пошла на звук и нашла Рому, стоящего у плиты на кухне. Он обернулся, как только Мира пересекла порог. Взгляд не выражал ничего. Полное отсутствие эмоций.

– Ты быстро, – сухо заметил он. – Боишься остаться одна?

– Боюсь, что неправильно тебя поняла. Так, зачем, говоришь, я здесь?

Рома хмыкнул.

– А вот кусаться необязательно. И находишься ты здесь не для того, чтобы доставлять мне максимум неудобств. Я не привык юлить. И если сказал, что готов предоставить тебе защиту, значит, так оно и есть.

– Ты не уточнил, что я буду тебе за это должна, – напомнила Мира, и Рома пакостно ухмыльнулся.

– А ты, как я погляжу, торопишься рассчитаться?

Она смутилась и густо покраснела. Под пристальным, но оттого не менее насмешливым взглядом заметалась.

– Для информации: мне с малолетками не в кайф, – со значением пояснил Рома. – И давай закроем эту тему раз и навсегда, договорились?

– Извини, – нехотя буркнула Мира и приняла из рук хозяина дома тарелку с яичницей.

Она не любила желтки и привередливо поморщилась.

– Ну да, ну да, я кулинар от бога! – рассмеялся этому Рома, тем самым разряжая обстановку. – Но ближайшие дни или так, или ничего. Пока я не буду уверен в твоей вменяемости, домработница здесь не появится. На обед, так и быть, можем заказать доставку из ресторана, но это тоже так себе удовольствие.

– Закажи продукты, я сама приготовлю, – предложила Мира, но в ответ удостоилась лишь скептического взгляда. – У нас не было кухарки, – пожала она плечами. – У отца на завтрак кофе и до глубокой ночи он домой не возвращался. Милена или на диете, или с утра до вечера в городе, а на школьных обедах особо не разживёшься.

Рома потемнел с лица.

– О-о... ещё и школа! – обречённо воскликнул он и понуро опустил голову, начисто пропуская мимо ушей основную информацию. Мира на всякий случай подобралась.

– Но я ведь могу пока не ходить? – предложила она, но по взгляду Ромы поняла, что ляпнула совсем не в тему. – Хотя бы несколько дней...

– Да сейчас! А потом опека скажет, что я недобросовестно исполняю свои обязанности! Давай пока без телодвижений. Я проконсультируюсь с юристом, и только тогда будем что-то решать, – раздражённо отмахнулся Рома и с особым азартом принялся за свою порцию яичницы.

Он посматривал на Миру мельком и чаще исподлобья. Эти его взгляды не сулили ничего хорошего, но теперь уже хотя бы не пугали. Ситуация стремительно менялась и вместо одного, но понятного вопроса в голове у Миры созрел с десяток новых безумных версий, но как к ним подвести разговор, она не знала.

– Как ты думаешь, меня будут искать? – наконец, решилась она, и Рома на время перестал жевать.

– Кто?

Мира растерянно моргнула: неужели её и в самом деле никто не ищет?

– Ну... не знаю... полиция, например.

Новак пожал плечами.

– Сейчас не до тебя. Громкое убийство. Заказное. Исполнителя, впрочем, как и заказчика, хрен сыщешь. А это отписки, совещания, выговоры. В прессе, опять же, шумиха... Пока про тебя вспомнят, я уже дойду до кабинета бюрократов. Сделаем всё быстро. Есть у меня выход на одного человека... – на этом Рома многозначительно замолчал, а Мире не оставалось ничего другого, как понимающе кивнуть. – Ты главное рот особо не открывай, – посоветовал он, неприятно ткнув в сторону Миры вилкой, зажатой в руке.

– У папы есть компаньон. Геннадий Павлович. Он точно помнит, – оставив при себе короткие замечания отца по поводу человеческих качеств этого самого компаньона, Мира поёжилась, Новак же небрежно отмахнулся.

– Забей, – посоветовал он и отпил сок из высокого стакана. Мира только сейчас и обнаружила возле своей тарелки такой же. – Там сейчас такая делёжка пойдёт, что не всякий жало всунет. Тут хотя бы своё спасти. Так что он или в доле, или в пролёте.

Безразличный тон покорибил, но Мира сдержалась от замечания.

– Думаешь, он мог знать?... – осторожно проронила она, не решаясь произнести страшные слова вслух.

– Веришь, нет... вообще о нём не думаю! Мне и тебя за глаза! Скажи лучше, что это за девка пыталась тебя вчера прессануть? Вот кто-кто, а она точно знала, что происходит!

Мира нехотя раскрыла рот.

– У неё папа – прокурор.

– Б-р-р! Даже звучит страшно, – Рома выразительно округлил глаза и показательно рассмехался. – Дальше можешь не продолжать. Видимо, полгорода в курсе.

– Ты так легко об этом говоришь!.. – вспыхнула Мира, но вовремя прикусила язык. Новак заинтересованно склонил голову набок.

– Давид и сам знал, – заявил он вдруг, и Мира подавилась глотком воздуха. – Но поступил как в той песне: «Настоящий джигит от врага не бежит!»

– Ты ведь тоже был знаком с отцом, – уличила Мира, на что Рома активно замахал руками.

– Не начинай! Просто у нас маленький город, – широко улыбнулся он.

– Город-миллионник, если я не ошибаюсь.

– А я погляжу, с тобой будет нескучно! – довольно заключил он и задорно подмигнул. Мира едва сдержала рвотный позыв.

Притирка не удалась: разговор пошёл на убыль, а все старания насмарку. После нескольких провальных попыток продолжить вынужденное знакомство, Рома вызывающе оскалился и сжал пальцами острый девичий подбородок.

– Не провоцируй меня, милая, не надо, – выразительно проговорил он, склонившись над Мирой, словно грозовая туча. – Нам с тобой предстоит провести вместе несколько замечательных лет. Не распыляйся, не настраивай себя против меня уже сейчас. Поверь, впереди столько всего интересного, что яда может и не хватить... – он издевательски поцокал языком, а Мира решительно рванула в сторону, освобождаясь от болезненного захвата.

Идеальным стал вариант разойтись по углам. Рома совсем скоро бессовестно уснул на диване напротив, а вот Мира сверлила его злым взглядом и ненавидела за это вот демонстративное безразличие. Он, смеясь, обозвал её дурочкой и унизительно небрежно потрепал по щеке. Мира ответила. С вызовом и упрёком. В этот раз Рома не смеялся, а больно сжал её волосы у самой головы и молча смотрел в глаза. Так он подавлял её волю, так указал на место. Парень стоял очень близко и пытался задушить её оборону физическим превосходством, а Мира, вопреки любым законам здравого смысла, вдруг почувствовала совсем другую энергетику. Буйную, необузданную. А ещё был его запах. Резкий, мужской. И это был запах его парфюма, табака... запах силы, чёрт возьми! И запах секса... Острое желание кольнуло, и внутри полыхнул настоящий пожар. Мира попыталась отступить, не позволить телу, мозгу ответить на призыв или на вызов... но куда там... будто нарочно, Рома прижался сильнее. Он вдавливал Миру в стену и прямо в губы выговаривал свою претензию. А потом отпустил, не особо заморачиваясь по поводу её сбитого дыхания и огненно-горячего румянца.

Дрожащие губы удалось спрятать за такой же подрагивающей ладонью, взволнованный взгляд усилием воли получилось отвести в сторону. Мира стянула на груди полы халата и сделала несколько неуверенных шагов к середине комнаты, а Рома с демонстрируемой злостью завалился на диван гостиной комнаты и закрыл глаза. Совсем скоро его дыхание стало ровным, а черты лица разгладились и выражали полное умиротворение. Мира прокралась и устроилась в широком кожаном кресле. Она подтянула колени к груди и сделала очередную попытку прогнать нарастающую панику, но куда там! Взгляд возвращался к выразительным чертам лица, к словно напоказ оголённым запястьям и сейчас привлекательной казалась любая мелочь. Широкие ладони и длинные пальцы, выступающие вены на предплечье той руки, что упала с дивана на пол. Развитое тело, проработанные мышцы, завораживающий наглостью и самоуверенностью взгляд... Пожалуй, примерно так выглядит первая любовь у подавляющего большинства девочек её возраста! А главное, что Мира совершенно не собиралась... наверняка это просто попытка её мозга сделать своеобразную подмену. Ну да, конечно, ведь так гораздо проще выжить, вдруг оставшись в полном одиночестве!

Отговорка была так себе и Мира злилась. Она нервно кусала губы и сжимала кулаки. Голова пухла от обилия мыслей, а виски пульсировали болью, как вдруг пришла усталость. Эта усталость заглушила и глупую влюблённость, и раздражающую своей настойчивостью боль. Логично, ведь Мира практически не спала этой ночью и отключилась ближе к рассвету. Совсем скоро реальность застелило туманом, внимание рассеялось, а глаза закрылись, погружая её хрупкий мир в пугающую темноту.

Глава 10

Проснулась Мира от собственного крика. Ей снова снилась разбитая дорога, пыльный автобус и мама, бегущая следом. А ещё было прикосновение. Только в отличие от призрачного сна, прикосновение оказалось настоящим, горячим и очень крепким.

– Да успокойся же ты, дикая кошка! – раздался над головой смутно знакомый голос, и Мира открыла глаза.

Рома буквально сидел на ней верхом, скручивая руки в каком-то болезненном захвате. Его зрачки были расширены, спёртое дыхание бурно срывалось с губ, а на лбу залегла морщина напряжения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.